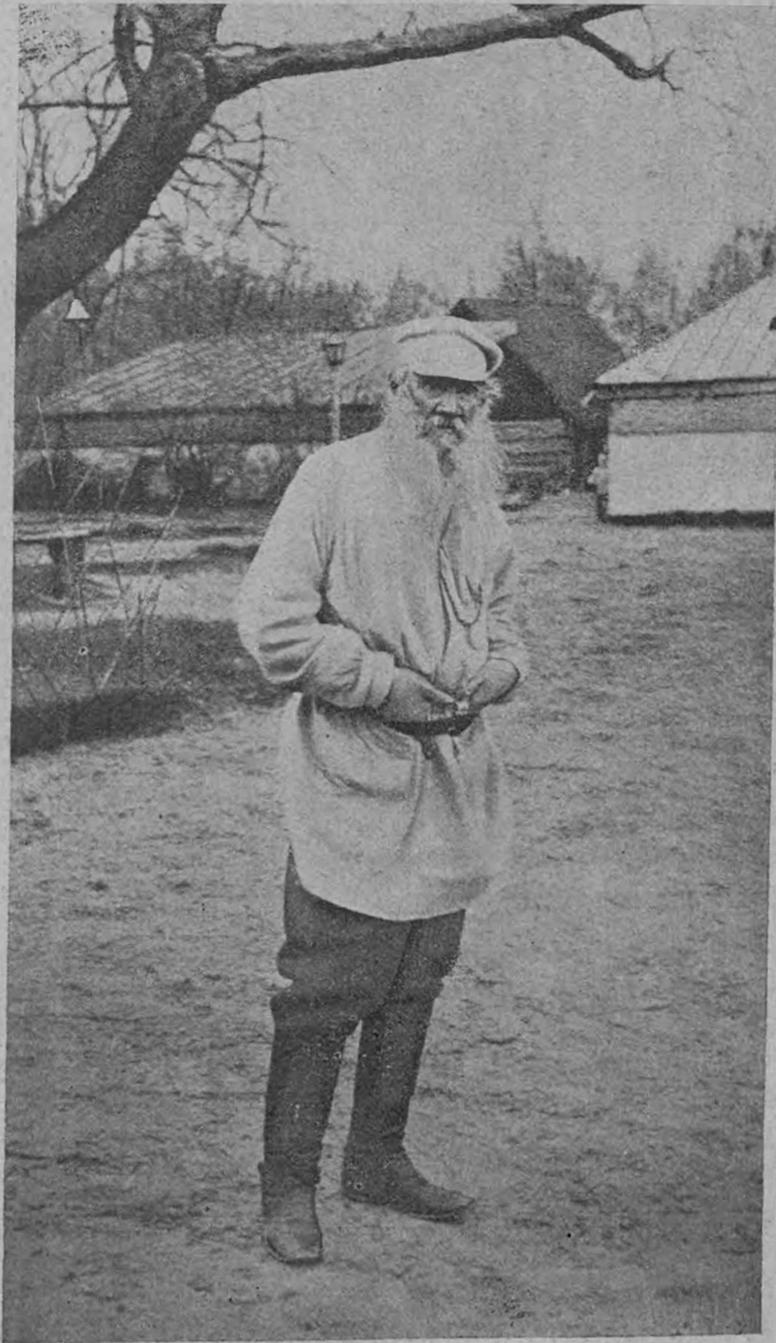

Раппа

Годъ изданія первый. № 2.

Левъ Толстой въ Ясной Полянѣ
(съ портрета снятаго въ июнѣ 1908 г.).

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РАМПА

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

„Рампа“ ставитъ своей задачей обслуживаніе интересовъ русскаго театра, какъ съ эстетически-художественной, такъ и бытовой стороны, кладя въ основу съ одной стороны завѣты лучшихъ представителей русской художественной мысли, съ другой—текущіе интересы актерской семьи.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Т. Ардовъ, Н. Бассъ, И. Барышовъ (Мясницкій), Е. Берлинраутъ, Г. Бурдъ-Восходовъ, пр. Л. Владиміровъ, О. Гзовская, В. Гиляровский, Э. Гольпенвейзеръ (Нью-Йоркъ), Г. Гольдштейнъ (Pierre d'Or), М. Гиршманъ (Берлинъ), К. Даниленко, В. Ермиловъ, П. Звѣздичъ (Вѣна), Е. П. Карповъ, А. Косоротовъ, Лознгринъ (Одесса), Я. Львовъ, Л. Мунштейнъ (Lolo), П. Морочникъ, Вл. Немировичъ-Данченко, Вас. Немировичъ-Данченко, В. Никулинъ, П. Оленинъ, Е. Питоевъ (Парижъ), И. Платонъ, А. Плещеевъ, А. Полевой, И. Поповъ, М. Пуаре, С. Разумовскій, А. Сабуровъ (Парижъ), Я. Сацъ, П. Сергѣенко, Скиталецъ-Яковлевъ, П. Скуратовъ, М. Сунениковъ, кн. Сумбатовъ (Южинъ), А. Тези (Вѣна), В. Хавкинъ (Ростовъ-на-Дону), И. Шмитъ (Рудинъ), М. Шикъ, Эйшикинъ (Кіевъ), С. Яблоновскій, Яновъ и друг.

Считая одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей программы посильную помощь въ дѣлѣ развитія провинціального театра, редакція привлекла къ обслуживанію этого отдѣла, въ качествѣ постоянныхъ корреспондентовъ, представителей мѣстной провинціальной печати.

Новыя постановки и выдающіяся моменты театральнoй жизни, какъ русской, такъ и иностранной, найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ въ видѣ фотографій и рисунковъ нашихъ художниковъ.

Въ крупнѣйшихъ центрахъ Европы „Рампа“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: годъ—6 р., полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 50 к., мѣс. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—15 копѣекъ.

Подписная цѣна съ 31-го августа по 1-е января 1909 г.—2 р. 50 к.

Объявленія: впереди текста—75 к., позади—50 к. со строки петита.

Со всеми запросами и подпиской обращаться по адресу: Мясницкая, д. дѣр, Янановыхъ, ред. журн. „Рампа“.

Редакторы-издатели: { Л. Т. Мунштейнъ (Lolo).
Э. М. Бескинъ.

Нѣмецкій Клубъ.

Семейные вечера.

Опереточные спектакли.

Драматическіе спектакли.

Новая пьеса Г. Гауптмана.

„СЕСТРЫ ИЗЪ БИШОФСБЕРА“

ком. въ 5 дѣйствіяхъ.

Переводъ Э. Бескина. Къ представленію безусловно дозволена („Прав. Вѣстн.“, № 188, 1907 г.).

Цѣна 50 коп.

Включена въ репертуаръ Малаго театра на 1908—09 г.

Складъ изданія: Москва, Георгіевскій пер., театральная бібліотека С. О. Разсохина.

ВСТРѢЧА СЪ АРТИСТАМИ

ВЪ ПОГРЕБѢ

Е. И. Теръ-Арутюнова

преемн. Г. А. АВТАНДИЛОВЪ.

до 2-хъ часовъ ночи въ изяшно устроенномъ при побрѣбѣ на Тверской помѣшеніи «бель-этажъ» можно полукать ша-шлыки, приготовляемые специалистами.

ВИНА ПОДАЮТСЯ ПО ЦѢНАМЪ МОЕЙ ВИНоторговли БЕЗЪ ПРИБАВКИ.

Ежедневно партія КАРАЧАЕВСКИХЪ БАРАШКОВЪ со ст. Минералькыя воды.

Тверская, уг. Газетнаго пер., г. Толмачева.

Изданіе журнала „Рампа“.

РЕПЕРТУАРНАЯ НОВИНКА ПРЕДСТОЯЩАГО ЗИМНЯГО СЕЗОНА,

„ДУРАКЪ“.

Ком. въ 4-хъ д. Людвигъ Фульда. Пер. съ немѣцкаго Э. М. Бескина и Ф. Р. Къ представленію дозволена 3-го іюля 1908 г. № 6441.

== Цѣна 2 руб. ==

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Мясницкая, д. № 20, редакція журн. „Рампа“, при типографіи Московскаго т-ва Н. Л. Казецкаго.

рампа

№ 2.

Два юбилея.—Мануфактура и искусство.—Л. Толстой и «Власть Тьмы». Старая литература.—Трагическое у Чехова и у Тургенева.—Стихотвореніе *Lolo*—Мусоргскій, какъ историкъ П. Оленина.—Московскія тѣни. А. Плещеевъ.—Печать.—Москва.—«Власть Тьмы» на сценѣ театра «Скоморохъ». Е. Бер—тъ. Петербургъ.—Цензура нравовъ. А. Бурдъ-Восходова.—Провинція.—Наши корреспонденты.—«2×2=5» (запись постановки въ театрѣ Корша) В. Янова.

Рисунки и портреты: Л. Толстой; Л. Толстой въ кругу семьи; Страшичка изъ тетради И. С. Тургенева; И. С. Тургеневъ; И. В. Грызуновъ; «2×2=5» у Корша: актъ II, актъ I, Горинъ-Горяиновъ въ роли Абеля, схема постановки 1-го и 2-го акта; Карелина-Раичъ въ роли Лулу («Духъ Земли»).

Шаржи и карикатуры: В. А. Теляковскій пляшетъ подь музыку Мейерхольда; послѣднія сабуровскія моды

Москва 31 августа.

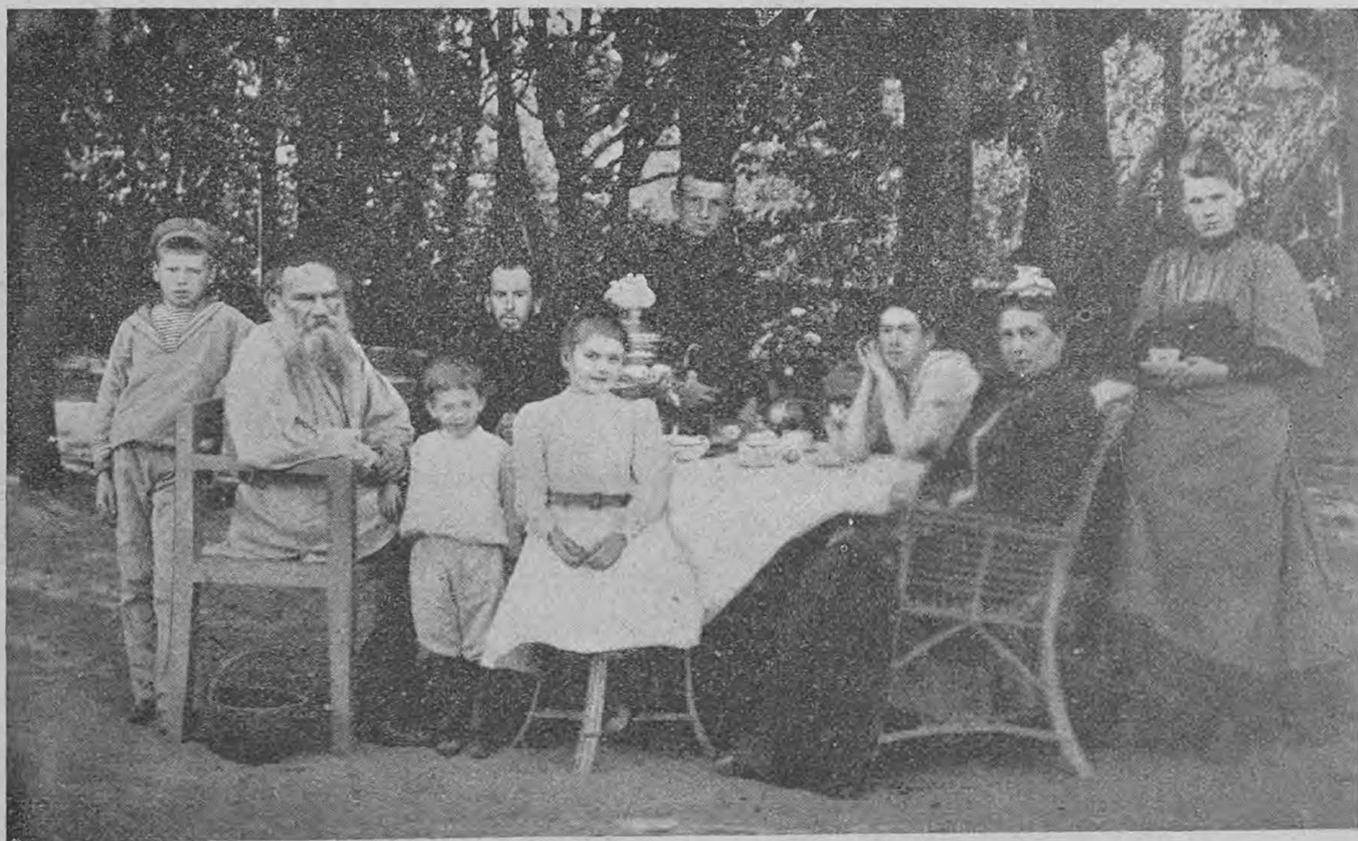
Два юбилея.

Что такое театр?.. Можно различно опредѣлять его теоретически, можно подходить къ нему съ различнымъ масштабомъ, разнящимися въ подробностяхъ требованіями, но нельзя толковать его какъ нѣчто само себѣ достоящее, какъ нѣчто замкнутое въ четыре стѣны «театральной хоромины» и въ этихъ четырехъ стѣнахъ отрѣзанное отъ другихъ интересовъ культурно-общественной жизни. Театръ—одинъ изъ барометровъ этой общественности, чутко отмѣчающій всѣ колебанія, всѣ измѣненія во внѣшнемъ давленіи атмосферы. Былъ-ли это древній театръ Діониса, средневѣковый—обслуживавшій мистическія начала религіознаго культа, или, наконецъ, нашъ современный театръ. Театральный негативъ того или иного времени, той или иной эпохи, при проявленіи своемъ даетъ всегда рядъ цѣнныхъ фотографій какъ общаго стиля соотвѣтствующаго ему времени, такъ и отдѣльных культурно-историческихъ событий.

Не могутъ, конечно, пройти безслѣдно для русскаго театра и только что отпразднованные юбилеи Толстого и Тургенева. И вовсе не потому, что Толстой авторъ «Власти Тьмы», а Тургеневъ—«Мѣсяца въ деревнѣ». Наоборотъ, конкретизируя дѣятельность того и другого, пришлось-бы отмѣтить, что для театра, какъ такового, они сдѣлали сравнительно мало, что театру удѣлена самая ничтожная часть ихъ творчества. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что для театра Викторъ Крыловъ важнѣе Толстого. Театръ, какъ мы указывали выше есть лишь элементъ русскаго искусства, больше—элементъ всей русской жизни, ея радости и слезы, улыбки и печали. И Толстой и Тургеневъ, не напиши они даже ни одной строчки для сцены, принадлежали-бы ей такъ-же, какъ они принадлежатъ каждому изъ насъ въ отдѣльности и всей Россіи въ общемъ. Вотъ почему театръ не можетъ оставаться глухимъ къ этимъ двумъ славнымъ юбилеямъ русской мысли, русскаго художественнаго пера. Тутъ, повторяемъ, не «Власть Тьмы» и не «Мѣсяць въ деревнѣ», а Толстой и Тургеневъ во всемъ ихъ цѣломъ, во всемъ ихъ міровомъ значеніи.

Мануфактура
и
искусство.

Ниже мы помѣщаемъ письмо изъ Одессы г. Бурдъ-Восходова по поводу дѣйствій одесской городской театральной комиссіи. Дѣйствія этой комиссіи и вообще тормозящей театральное дѣло въ Одессѣ, на этотъ разъ вылились въ такую форму, приняли такой характеръ, что обойти ихъ молчаніемъ не представляется возможнымъ. Комиссіи былъ представленъ на утвержденіе антрепренеромъ г. Багровымъ списокъ драматической труппы на предстоящій зимній сезонъ. Поразмысливъ глубоко-мысленно комиссія списокъ утвердила за исключеніемъ одной актрисы, которой «отцы города» предъявили обвиненіе въ... безнравственности. Ни больше, ни меньше. Шумъ, поднятый одесской печатью заставилъ комиссію взять свое рѣшеніе обратно. Артисткѣ было разрѣшено остаться. Останется-ли она теперь, и должна-ли остаться,—вопросъ другой, вопросъ котораго мы не будемъ сейчасъ касаться. Насъ интересуеетъ только фактъ самъ по себѣ. Неслыханный, небывалый, вопиющій фактъ. Мы вполне присоединяемся къ мысли г. Бурдъ-Восходова, что одесская труппа, по крайней мѣрѣ, мужская часть ея должна протестовать громко, протестовать публично противъ такого надругательства надъ товарищемъ-женщиной. Она должна назвать поступокъ комиссіи его настоящимъ именемъ. Безъ стѣсненія. Можетъ быть тогда эготъ конкретный случай будетъ имѣть и болѣе общія послѣдствія въ видѣ устраниенія муниципальной опеки надъ бѣднымъ искусствомъ. Эта опека нигдѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Одессѣ, ни въ другихъ городахъ къ добру не приводила. Городу принадлежитъ зданіе—его право давать только общія внѣшнія директивы. Предпочестъ одинъ видъ искусства другому, оперу драмѣ или наоборотъ, одного антрепренера другому. Но театръ сданъ—и точка. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ и руководство самой художественной частью поручать Степанову или Иванову, торгующимъ бакалеей или мануфактурой оптомъ и въ розницу. Судъ надъ нравственностью артистки явленіе того-же порядка. Одно логически-законченное цѣлое. Отдѣлите мануфактуру отъ искусства и бакалейная точка зрѣнія на актрису не будетъ имѣть возможности проявиться. А пока, пока остается испытанное средство—благородно возмущаться и негодовать.

Л. Н. Толстой въ кругу семьи.

Л. Толстой и „Власть Тьмы“.

Л. Н. Толстого всегда привлекала драматическая форма. Его привлекала и сама пламенная драма въ шиллеровскомъ тонѣ, и комедія характеровъ, и даже обличительный жанръ. Въ началѣ 60-хъ гг. Левъ Николаевичъ написалъ пьесу обличительнаго характера, въ которой изрядно-таки доставалось выдающимся представителямъ человѣческой глупости.

Дѣло было зимою.

Окончивъ пьесу и желая поскорѣе увидать ее на сценѣ—въ виду наступленія великаго поста,—Л. Н. Толстой обратился за совѣтомъ къ А. Н. Островскому. (Они всегда поддерживали добрыя пріятельскія отношенія и были даже на «ты»). Островскій посоветовалъ Толстому: дать пьесѣ вылежаться. И когда Л. Н. сослался на ея злободневность, Островскій сказалъ улыбаясь:

— А ты боишься, что *они* такъ скоро поумнѣютъ, что твоя пьеса устарѣетъ? Можешь быть спокойнымъ.

Левъ Николаевичъ послушался Островскаго и отложилъ написанную пьесу, но отложилъ куда-то такъ далеко, что и самъ теперь не знаетъ, гдѣ она и что съ ней произошло.

Драматическую форму Л. Н. Толстой считаетъ самой выразительной формой искусства и однажды сравнивалъ ее со скульптурой. Работая въ 1886 году надъ «Властью тьмы» и бесѣдуя по этому поводу съ однимъ изъ своихъ друзей, Л. Н. сказалъ:

— Переживаю странное ощущеніе. Первый разъ пишу большую драму и чувствую совсѣмъ не то, что при другихъ работахъ. Я, какъ бы, не пишу и не описываю, а *высѣкаю*. И если романиста можно называть «живописцемъ», то драматургъ—*скульпторъ*: у него все должно быть въ рельефѣ. И нѣтъ ничего скучнѣе, мнѣ кажется, въ пьесахъ, какъ назрѣваніе событій. Событія должны назрѣть за сценой и выйти готовыми, чтобы—въ столкновеніи съ другими событіями—и создать драму...

Впослѣдствіи работая надъ вопросами искусства и создавая формулы искусства, Л. Н. Толстой такъ опредѣлялъ природу драмы:

— Необходимое условіе всякой драмы заключается въ томъ, чтобы дѣйствующія лица—вслѣдствіе собственныхъ имъ характеровъ, поступковъ и естественнаго хода событій—были поставлены въ такія положенія, въ которыхъ, находясь въ противорѣчій съ окружающимъ миромъ, лица эти боролись бы съ нимъ и въ этой борьбѣ выражали присущія имъ свойства...

Такимъ образомъ, для Л. Н. Толстого—драматическое произведеніе есть какъ бы соединеніе (употребляя непоэтическое сравненіе) соды съ кислотою. И какъ отъ соединенія этихъ двухъ веществъ можетъ произойти шипѣніе и кипѣніе только тогда, когда вещества будутъ носить въ себѣ всѣ характерныя свойства соды и кислоты, такъ и въ драматическомъ произведеніи только тогда можетъ образоваться *электричество драмы*, если участвующія въ ней лица будутъ проявлять характерныя свойства.

Такъ смотритъ Л. Н. Толстой на задачу драмы и такъ рѣшаетъ ее въ наисильнѣйшемъ изъ своихъ драматическихъ произведеній «Власти тьмы». Тутъ дѣйствительно, что ни лицо, то характеръ, то, какъ бы, и отдѣльный миръ съ его индивидуальными особенностями не только во внѣшнихъ проявленіяхъ, но и въ духѣ жизни, и въ языкѣ. У каждаго изъ персонажей «Власти тьмы» свой собственный стиль и свои собственные слова. У Акима одинъ стиль, у Никиты—другой, а у Митрича—третій.

Извѣстный артистъ В. Н. Давыдовъ, читавшій въ присутствіи Л. Н. Толстого нѣкоторыя сцены изъ «Власти тьмы», былъ пораженъ замѣчаніемъ автора, когда послѣдній обратилъ вниманіе артиста на особенный языкъ Митрича, окрашенный городомъ, солдатствомъ и бродячей жизнью.

Интересна исторія «Власти тьмы».

Вся пьеса цѣликомъ соткана изъ живыхъ клѣтокъ жизни. Ничего въ ней Л. Н. Толстой не сочиняетъ, ничего не подчеркиваетъ, а беретъ жизнь, какъ она есть, и, пропустивши ее черезъ горнило своей души, даетъ въ художественномъ озареніи. Только въ одномъ мѣстѣ драмы авторъ наложилъ сурдинку, чтобы смягчить пронзительный звукъ жизни. Но впослѣдствіи самъ выражалъ сожалѣніе, что помалодушествовалъ.

— Въ дѣйствительной исторіи «Власти тьмы», — рассказывалъ Л. Н. одному изъ своихъ гостей, — Никита въ припадкѣ отчаянія убиваетъ оглоблей жену. Мнѣ это показалось черезчуръ. Я смягчилъ конецъ и очень раскаиваюсь въ этомъ.

Антипатія Толстого ко всякому «сочинительству» такъ сильна въ немъ, что онъ неохото выдумываетъ даже фамиліи для своихъ героевъ, а обыкновенно только слегка измѣняетъ настоящія фамиліи. Отсюда и появились всѣ «Болконскіе», «Облонскіе», «Безуховы» и др. вмѣсто Волконскихъ, Оболенскихъ, Безбородко и т. п. Во «Власти тьмы» нѣкоторыя имена такъ и оставлены неизмѣненными, какими были въ дѣйствительности.

Сюжетъ «Власти тьмы» почти цѣликомъ взятъ изъ одного судебного процесса, разбиравшагося въ Тулѣ и рассказаннаго Льву Николаевичу тогдашнимъ Тульскимъ прокуроромъ Н. В. Давыдовымъ. Въ этотъ-же періодъ, т. е. 1886 г., лѣтомъ въ Ясную Поляну приходилъ одинъ старичокъ-крестьянинъ и съ сокрушеніемъ рассказывалъ Льву Николаевичу о томъ, какъ его непутевый сынъ Никифоръ, «обидѣлъ» дѣвку Марину, и уклоняется отъ женитьбы и какъ Марина хотѣла повѣситься, и какъ старичку тягостно, что его сынъ поступаетъ не по божьи. И старичокъ приходилъ совѣтоваться съ графомъ.

Но ни рассказъ старика-крестьянина, ни пересказъ Н. В. Давыдовымъ судебного процесса сначала не имѣли никакой связи съ драматическимъ произведеніемъ. Драма начала строиться случайно.

Всю весну и лѣто 1886 г. Л. Н. былъ увлеченъ полевыми работами и совершенно отошелъ отъ писательства. Но глубоко впаянный въ природу Толстого художникъ жадно впитывалъ въ себя во время полевыхъ работъ всякую росинку жизни и при первомъ-же случаѣ властно заявилъ о своей неудовлетворенной потребности.

Перевозя однажды снопы для одной бѣдной вдовы-крестьянки, Л. Н. больно ушибъ ногу, но не обратилъ на это вниманія и продолжалъ работу въ полѣ, пока дѣло чуть-чуть не приняло трагическаго оборота: образовалась злокачественная опухоль, температура поднялась до 40°, и приѣхавшій изъ Москвы врачъ объявилъ, что еще нѣкоторое время—и никакія человѣческія усилія уже не помогутъ автору «Войны и мира». Льва Николаевича уложили въ постель и запретили вставать.

Тутъ-то и заявилъ о себѣ проголодавшійся художникъ. И такъ какъ чувства и мысли Л. Н. Толстого были все предшествующее время сосредоточены главнымъ образомъ на крестьянствѣ и его переживаніяхъ, то писателя и потянуло къ сюжету изъ народной жизни. Въ его памяти всплыли рассказы Н. В. Давыдова, бесѣда съ богобоязненнымъ старичкомъ и все, расплавившись въ художественной лабораторіи, начало окристаллизовываться въ извѣстныя формы.

Въ виду того, что Льву Николаевичу необходимо было лежать, ему приспособили для писанія доску съ наклономъ и все приладили такъ, что онъ могъ свободно писать. И онъ съ жадностью предался новой работѣ, быстро исписывая одну страницу за другой.

— Прямо упиваюсь, — говорилъ онъ одному изъ своихъ друзей — и оторваться не могу. Что выйдетъ — не знаю. Сначала, вѣдь, авторъ владѣетъ сюжетомъ. А затѣмъ — въ разгонѣ работѣ — уже сюжетъ завладѣваетъ авторомъ, какъ карета, когда спускается съ горы. Тутъ ужъ не ты правишь, а тобою правятъ. Чувствую, что монологи въ пьесѣ не хороши. А они всетаки вылетаютъ — летятъ съ горы...

Окончивши «Власть тьмы», Л. Н. читалъ ее крестьянамъ, чтобы провѣрить вѣрность взятаго тона. Но изъ этого чтенія Л. Н., кажется, не вынесъ ничего, кромѣ горькаго сознанія пропасти, лежащей между нами и деревенскимъ народомъ. «Власть тьмы» не потрясла деревенскихъ слушателей.

И, думаю, не потому, что простые слушатели не могли подняться до душевныхъ движеній другого человѣка, а потому, что, какъ ни добросовѣстно старался авторъ «Власти тьмы» придать героямъ подлинныя черты настоящихъ мужиковъ, для настоящихъ мужиковъ стиль дѣйствующихъ лицъ вѣроятно звучали такъ-же, какъ для насъ жаргонъ.

Впрочемъ, это вопросъ очень сложный и тонкій. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи «Власти тьмы» Л. Н. читалъ свою пьесу въ иной, — болѣе благопріятной для автора аудиторіи — артисткамъ и артистамъ московскаго Малаго театра, на Б. Дмитровкѣ, въ квартирѣ управляющаго московскими театрами — и произвелъ на слушающихъ значительное впечатлѣніе. Особенно понравилось многимъ чтеніе Л. Н. Толстого своей необыкновенной простотой, безъ всякаго тонирования и подчеркиванія. Только въ сценахъ съ Акимомъ Л. Н. нѣсколько тонировалъ, стараясь передать нервно-торопливый и полу-заикающійся языкъ неподражаемаго «золотаря».

Обратила общее вниманіе еще одна интересная подробность въ чтеніи Льва Николаевича. Онъ не произнесъ въ присутствіи артистокъ ни одного слова изъ «Власти тьмы», котораго нельзя было-бы произнести въ присутствіи всякой молодой дѣвушки.

И артистки Малаго театра были глубоко тронуты этой чуткой деликатностью.

Старый литераторъ.

Трагическое у Чехова и у Тургенева.

На зарѣ нашей жизни пришелъ къ намъ Тургеневъ. Умиращее «барство» обвило причудливыми и изящными настроеніями своихъ родовыхъ парковъ — его молодые годы. Но новый міръ, шедшій на смѣну, міръ торжествующей государственности, «свободнаго труда», большихъ городовъ и великой борьбы — уже глядѣлъ сквозь рѣшетки этихъ парковъ.

Здѣсь, въ задумчивыхъ аллеяхъ бродили еще тонкія тѣни прошлаго, и усѣвшись на старой скамьѣ на берегу пруда — такъ хорошо было читать идеалистическую книжку... А тамъ шумѣлъ мужицкій бунтъ и кто-то кричалъ въ ужасѣ:

— Что дѣлать? Что же дѣлать?

Тамъ предчувствовалась новая истина:

— Природа не храмъ, а мастерская и человѣкъ — въ ней работникъ!

Тамъ рубили просѣку въ густомъ лѣсу и боязно было: вотъ-вотъ дойдетъ до вѣковыхъ липъ родного гнѣзда. И было жутко-хорошо: чудилась широкая, великая дорога, которая пройдетъ по этой просѣкѣ...

Лицо новаго міра, энергичное лицо работника влекло къ себѣ Тургенева, звало выйти изъ уютной усадьбы...

Чеховъ пришелъ къ намъ въ срединѣ нашей жизни. Новый міръ отстроился и шумно жилъ на развалинахъ былого... И сколько разочарованій! Кое гдѣ просѣки уперлись въ тупики, бурьянъ заглушилъ дороги... Новая Россія стояла передъ глазами уродливой загадкой—одно «большое недоразумѣніе», какъ называлъ ее Достоевскій. Большіе города съ шумными фабричными предмѣстьями принесли съ собой новое горе, вмѣсто прежняго горя деревень. И въ городахъ, и въ деревняхъ измученные новые люди погибали подъ непосильной тяжестью новой борьбы.

Были они странные и жалкіе, эти новые люди. Надъ всею жизнью ихъ тяготило словно какое то проклятіе, словно начертаны были въ книгѣ судебъ слова жестокого пророчества, уже подслушаннаго тогда Гаршинымъ.

— Все прекрасное должно погибнуть.

Тургеневъ видѣлъ возникновение этого міра, Чеховъ увидѣлъ итоги. Сердце его сжалось ужасомъ. И онъ нарисовалъ намъ эту новую Россію такою, какъ она есть,—страшною и жалкою.

Я какъ-то сравнилъ Чехова съ Гоголемъ: это Гоголь новой Россіи. Въ его работахъ мы видимъ не какой-нибудь отдѣльный уголокъ нашей жизни, но всю Россію, и, право, значеніе этого писателя, по моему, сильно умалено. Нѣмцы лучше поняли его. Чеховъ не только изобразитель «хмурыхъ людей»—это изобразитель цѣлой эпохи.

Надѣленный поразительной, непостижимой способностью видѣть сущность вещей, какъ ясновидящій съ вторымъ зрѣніемъ, которое видитъ жизнь душъ,—онъ нарисовалъ намъ цѣльный психическій портретъ Россіи. Мы не знали себя самихъ, не могли разобраться въ своей жизни,—онъ показалъ намъ зеркало:

— Вотъ вы какіе.

И мы увидѣли всю свою заброшенность, унылость, безнадежность, увидѣли какъ безпросвѣтно темна и грязна наша ни за грошъ пропадающая жизнь,—безумное верченіе бѣлки въ колесѣ...

Какъ же это случилось?.. Вернемся опять къ той, прежней Россіи, предразсвѣтной.

Призывъ къ поголовной работѣ выдвинулъ длинный рядъ образованныхъ людей, рѣшительно отрек-

шихся отъ личной жизни, ради подвига и ушедшихъ туда, въ деревню, на помощь меньшому брату.

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ!—

Звалъ ихъ внутренній голосъ. И они пошли.

Напрасно Чернышевскій говорилъ въ своемъ «Что дѣлать?»

— Жертвъ не требуется. Не нужны жертвы.

Потребовались тяжкія жертвы. «Недостающимъ условіемъ развитія» было присутствіе интеллигентныхъ силъ на мѣстахъ. И силы нашлись. Мы знаемъ теперь, что ожидало этихъ людей: жизнь полная лишений, одичаніе, тяжелая борьба. Ихъ альтруизмъ заставилъ ихъ сыграть страдательную роль. Эти

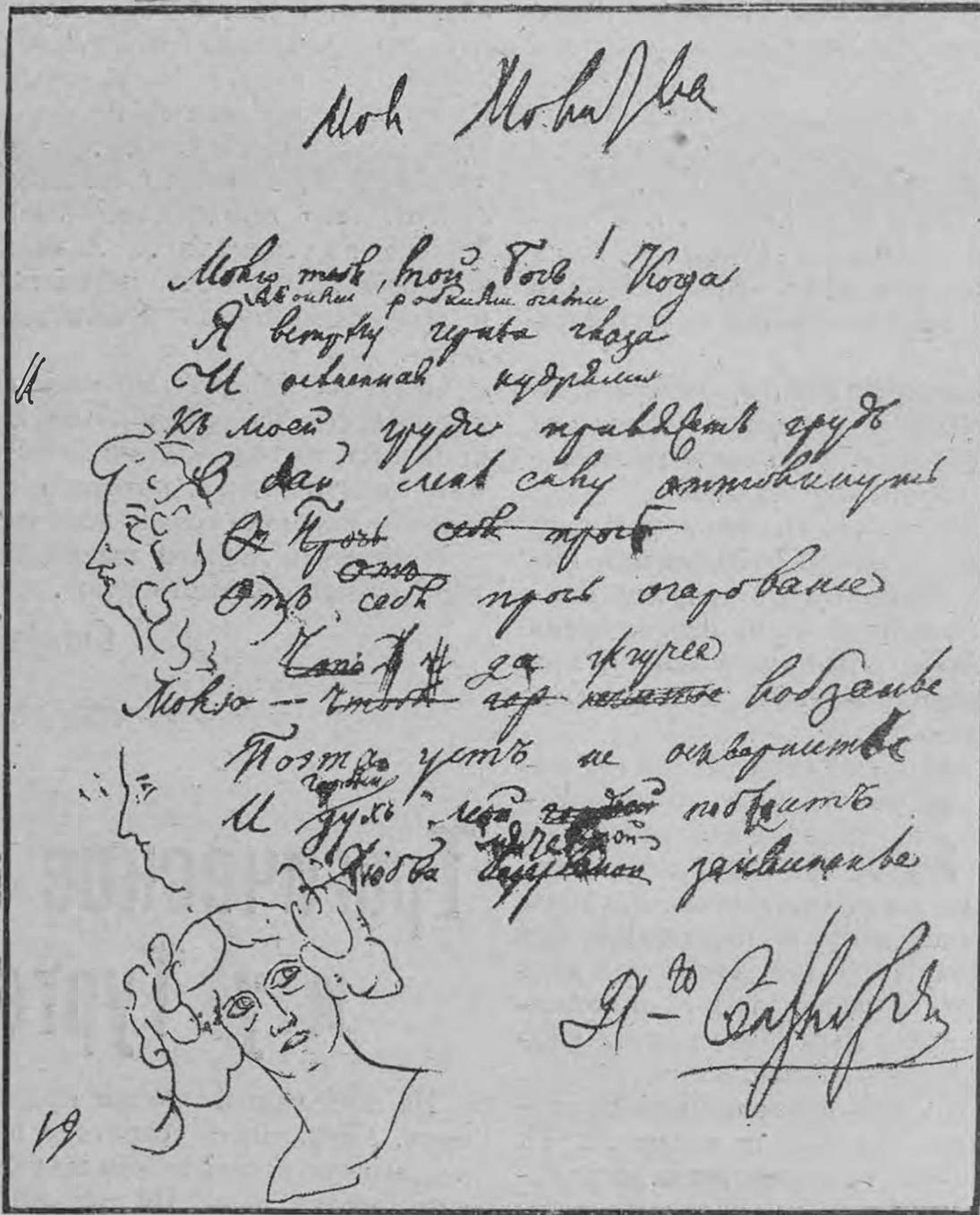
«нигилисты», отказавшіеся «отъ всего», эти люди, вызывавшіе глубокое презрѣніе и даже брезгливость въ «идеалистическихъ» кругахъ—были на самомъ дѣлѣ величайшими идеалистами. Помните этотъ симпатичный типъ «работниковъ», отказавшихся отъ всѣхъ потребностей, зачеркнувшихъ свое личное счастье, дѣтей, порвавшихъ съ «отцами», помните это время, когда даже счастье естественной любви, семья,—были отвергнуты время фиктивныхъ браковъ.

Типъ этотъ воспитался на проповѣди безкорыстія, любви къ ближнему, самоотреченія. Пошли учителя, врачи, учительницы, фельдше-

ра, даже писаря, пошли, порвавъ всѣ связи, на свой крестный путь, на безмолвную жертву,—и только холмики остались на погостахъ, занесенные снѣгомъ, да свѣтлая память о нихъ.

За ними явились другіе безвѣстные апостолы. Въ деревнѣ развилась новая жионь. Началось вкрапленіе интеллигенціи въ народъ, великая перетасовка разночинцевъ съ мужиками, дворянъ съ разночинцами...

Прошли года. И вотъ передъ нами галерея типовъ Чехова, галерея земской и городской Россіи. Вотъ они, доктора, слѣдователи, земцы, адвокаты, ученые, фельдшера, учительницы, купцы. Какая страшная жизнь! Всѣ они съ раздвоенной душой, не знающіе куда податься, полные глубокаго страха передъ жизнью и передъ смертью, передъ собой и передъ обществомъ. Что дѣлать? Что въ жизни—мое благо, и что—благо общества? И почему они

Страничка изъ тетради И. С. ТУРГЕНЕВА.

въ противорѣчїи? Гдѣ смыслъ моихъ страданій? Гдѣ оправданіе? Зрѣлище душъ смятенныхъ и подавленныхъ, оскорбленныхъ, пришедшихъ къ пошлости и трагической сукѣ.

Вспомните Иванова, вспомните «Трехъ сестеръ» вспомните дядю Ваню съ Саней, жизнь которыхъ невѣдомо зачѣмъ, бессмысленно, нелѣпо принесена въ жертву... Кому? Чему... Вспомните ихъ печальную мечту.

— Мы отдохнемъ, отдохнемъ!..

Возьмите любого героя Чехова и вездѣ вы увидите сознание нелѣпости жизни, которая мѣшаетъ личности правильно развиваться. При «ближайшемъ разсмотрѣніи» жизни Чеховъ увидѣлъ, что въ «жизни нѣтъ правды, нѣтъ логики, надо всѣмъ царить неумолимый рокъ и случай».

Здѣсь звучитъ уже чувство стихійнаго начала въ жизни современнаго человѣка. Въ современной жизненной средѣ съ ея общей связанностью и поглощеніемъ человѣка обществомъ, въ свою очередь поглощеннымъ государствомъ, наше существованіе направляется какой то особой волей и мы рѣшительно не въ состояніи направить его иначе. Чеховъ называетъ ее «Рокомъ».

Этотъ новый Рокъ—и есть трагическое Чехова.

Отсутствіе малѣйшаго личнаго счастья у порядочнаго человѣка! Это констатировалъ Чеховъ. А Тургеневъ, присутствовавшій при началѣ великаго процесса—предрекъ это,

Я говорилъ: эти люди воспитались на самоотреченіи. И самъ Тургеневъ тоже. Вспомните его слова: «Порядочный человѣкъ послѣ всего думаетъ о себѣ самомъ». «Порядочный человѣкъ не говоритъ о своихъ болѣзняхъ».

Вспомните свѣтлые образы русскихъ женщинъ, такъ дивно написанные Тургеневымъ,—что такое ихъ жизнь какъ не самоотреченіе, отказъ отъ личнаго счастья, умѣнье находить это счастье въ подвигѣ. Ради чего? Ради святого дѣла, которому служить любимый человѣкъ, ради самаго этого человѣка, ради мечты о лучшемъ будущемъ...

Елена въ «Наканунѣ», «Лиза»... и та скиталица изъ «Нови» вынужденная скрываться отъ преслѣдованій полиціи, пугливая сумеречная тѣнь... Помните испугъ и плохой итальянскій языкъ при неожиданной встрѣчѣ съ авторомъ съ отвѣтомъ:

„Jo sono contessa Rocca di Santa Fiune“...

Десятки народившихся русскихъ интеллигентовъ, тѣхъ самыхъ, которые скоро должны лечь подъ скальпомъ Чехова...

А «Рудинъ»? А десятки другихъ? Вездѣ слышится здѣсь печальное и таинственное вѣяніе счастья, прошедшаго мимо, счастья, которое могло бы быть,—и удалилось, жутко задѣвъ крыломъ смятенную душу и обманувъ ее...

Если Чеховъ—продолжатель Гоголя по его углубленію въ жизнь и по юмору, то онъ наслѣдникъ Тургенева въ его грусти по личному счастью человѣка, въ его тоскѣ по осмысленной и плодотворной жизни. И онъ,—какъ въ послѣдствіи Чеховъ—видѣлъ задавленность русскаго человѣка и въ этомъ онъ наиболѣе передовой писатель. Онъ предчувствовалъ чеховскій «Рокъ», ощущалъ душой трагедію русскаго «порядочнаго человѣка»...

И ужъ конечно Чеховъ, кромѣ того, наслѣдникъ другого богатства Тургенева: его стиля.

И читая Чехова, часто вспоминаешь Тургенева. Читая послѣднія страницы «Дуэли», я помню, все время думалъ о тургеневскомъ «Дымѣ», о тѣхъ бѣлыхъ клубахъ, что тревожно и печально мелькали въ окнахъ вагоновъ и исчезали...

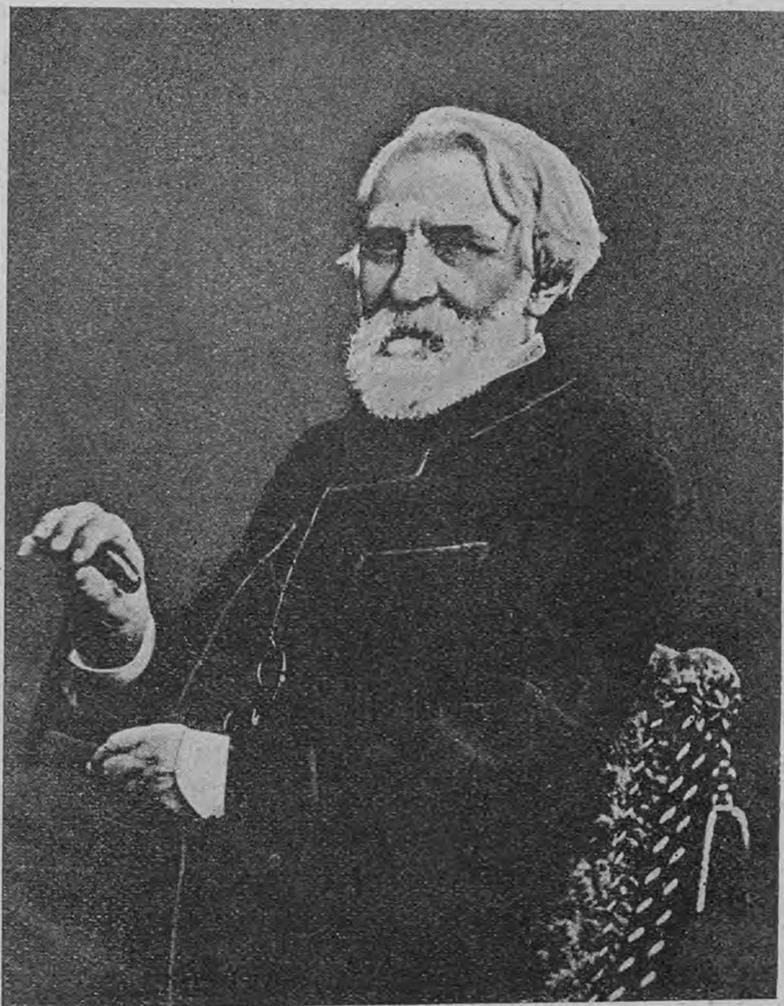
И эта наслѣдственность настроеній и стилю мер-

ла съ Чеховымъ... Теперь, пожалуй, только одинъ Купринъ умѣетъ чувствовать такія настроенія, и знаетъ таинственную власть сочетаній простыхъ словъ.

Другіе—далеки отъ простоты, а лишены великаго счастья—хорошо чувствовали.

Т. Ардовъ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Къ 25-лѣтію со дня смерти.

Тургеневъ!... Много-ли именъ
Такихъ любимыхъ, незабвенныхъ,
И близкихъ сердцу, и священныхъ!
Ихъ не коснется пылъ времянь,
И не сотрутъ стѣдые годы,
Ихъ не затмятъ герои моды,
Чья муза блещетъ мишурой
И пляшетъ пьяною гетерой,
Справляя пьяный пиръ горой
Во мѣль дѣйствительности стѣрой!
Мигъ шумной славы, торжества,
Трескъ ослѣпительной ракеты,—
И позабудетъ ихъ молва,
Едва ихъ пѣсни будутъ слытны...
Но есть могучіе поэты,
Но есть властители сердець,—
Не увядаютъ ихъ вѣтнець,
И, блескомъ ихъ лучей согрѣты,
Литомцы будущихъ вѣковъ
Благославляютъ стариковъ!
Огнемъ твореній вдохновенныхъ
Ихъ путь къ безсмертью озарень...
Тургеневъ!... Много-ли именъ
Такихъ прекрасныхъ, незабвенныхъ
И близкихъ сердцу, и священныхъ!...

Голо.

Мусоргскій, какъ историкъ.

Печальны судьбы русскаго искусства, тернисты пути русскихъ талантовъ—это настолько общепризнанныя истины, что никого изъ русскихъ не удивляетъ и не возмущаетъ смерть одного изъ величайшихъ музыкальныхъ свѣточей всего міра, Мусоргскаго, на бѣдной койкѣ Николаевскаго госпиталя. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего особеннаго и онъ былъ своевременно забытъ и сданъ въ архивъ русской мортирологии.

Геніальныя созданія Мусоргскаго раздѣлили судьбу своего автора: они не были поняты въ свое время и забыты также скоро, какъ и онъ самъ. И потребовалось, чтобы они вылежались въ складахъ музыкальныхъ магазиновъ прежде, чѣмъ настало время болѣе справедливой ихъ оцѣнки.

Мусоргскій написалъ своего «Бориса» въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, а умеръ въ 1881 году. И только къ концу столѣтія пробудился интересъ къ его единственному созданію.

Да и то большая публика шла скорѣе слушать Шаляпина, чѣмъ эту оперу... Главнѣйшіе красоты ея были еще скучны и непонятны публикѣ, востанной по музыкальнымъ шаблонамъ; лучшая спена оперы, вѣнецъ творенія Мусоргскаго, сцена подъ Кромами съ ея удивительной по энергіи пѣсней народнаго гнѣва «Галда», съ хватающимъ за душу музыкальнымъ воплемъ юродиваго, обыкновенно исключалась, какъ тормозящая ходъ дѣйствій и совершенно лишняя.

Еще бы: она задерживала почти на цѣлый часъ публику въ театрѣ!

Другая опера Мусоргскаго, «Хованщина», удивительная по своей красочности и по русскому духу, опера въ которой Мусоргскій звукамъ изобразилъ подлинную исторію и встрѣчу двухъ Россій—старой и новой, — до сихъ поръ еще ни разу не шла въ достойной себя постановкѣ. Ея слава вся еще въ будущемъ.

Свое, родное, русскіе не любятъ и не цѣнятъ. Геніальнѣйшія русскія произведенія сплошь да рядомъ на много лѣтъ опережаютъ эволюцію русскаго вкуса; это особенно частое явленіе въ области музыки. Достаточно указать хотя бы на «Жизнь за Царя» и «Руслана и Людмилу»: въ свое время они должны были уступить мѣсто итальянскимъ шаблоннымъ и легковѣснымъ операмъ. Тоже на нашей памяти происходило съ «Борисомъ» и происходитъ съ «Хованщиной».

Правда, «Борисъ» уже включенъ въ репертуаръ большинства серьезныхъ театровъ, но это еще не значитъ, что онъ сдѣлался репертуарной оперой. И публика, вслухъ признавая его достоинства, въ тайнѣ все-таки тяготеетъ къ тѣмъ музыкальнымъ произведеніямъ, къ которымъ благоволятъ всеильная мода, властительница думъ, понятій и настроеній публики.

— Какая это страница исторіи! — воскликнулъ Костомаровъ послѣ перваго представленія «Бориса Годунова» — но этотъ блестящій отзывъ не помѣшалъ забвенію оперы. И только на нашихъ глазахъ произошла настоящая археологическая находка и это сокровище искусства, это музыкальное евангеліе, было извлечено изъ архивной пыли.

И. В. Грызуновъ.

(Къ переходу въ оперу С. И. Зимина).

«Борисъ Годуновъ» не только сокровище искусства. Мусоргскій былъ удивительный самородокъ. Вездѣ онъ былъ самобытенъ, вездѣ онъ слѣдовалъ только внушеніямъ своего генія. И его «Борисъ Годуновъ» великолѣпный вкладъ не только въ сокровищницу искусства но и русской исторіи.

Мусоргскій звукамъ сумѣлъ рассказать исторію смутнаго времени вѣрнѣе и красочнѣе, чѣмъ любой присяжный историкъ. Онъ далъ ключъ къ пониманію сложной психики народной въ сценахъ, гдѣ дѣйствуетъ, страдаетъ и увлекается народъ. Но онъ сдѣлалъ нѣчто большее: несмотря на строгость цензуры въ его время Мусоргскій исправилъ въ своей оперѣ одну историческую несправедливость, освѣщенную рутинной, онъ пошелъ наперекоръ исторической версии, ставшей обязательной и неотложной—версии о Лжедмитріи Отрепьевѣ.

Мусоргскаго не испугала «анафема», которой предано это имя. И въ своей оперѣ онъ ясно сказалъ, хотя и аллегорически: Лжедмитрій не былъ самозванцемъ—онъ былъ сынъ Іоанновъ.

Новыя идеи вынуждены проникать въ народное сознание, крадучись. Преслѣдованія ждутъ ихъ на каждомъ шагу и очень часто аллегорія является единственнымъ средствомъ ихъ выраженія.

Во времена оны само христіанство символизировалось рыбой. Величайшія открытія науки бывали вынуждены скрываться подъ онаграммами. Реформаторскія идеи бывали выражены тайными письменами, ключи къ которымъ нерѣдко терялись. Писатели русскіе до самаго послѣдняго времени должны были прибѣгать сплошь да рядомъ къ знаменитому эзоповскому языку.

Въ эпоху свирѣпства цензуры Мусоргскій не могъ выразить свое истинное мнѣніе о таинственномъ Дмитріи иначе, какъ инсказательно.

Но ключъ къ его шифру нетрудно пайти.

Во первыхъ онъ скрытъ въ музыкѣ. Во вторыхъ въ текстѣ либретто.

У Мусоргскаго есть удивительная музыкальная тема въ его оперѣ—это такъ называемая *тема царевича*. Она звучитъ въ партіи Пимена, какъ только онъ вспоминаетъ про углицкаго младенца, въ партіи Шуйскаго, когда онъ рассказываетъ царю Борису о смерти этого младенца; большаго развитія она достигаетъ въ партіи Григорія Отрепьева, который весь поглощенъ повѣствованіемъ Пимена о царевичѣ Дмитріѣ.

Но наибольшей красоты и мощи эта тема достигаетъ въ партіи того лица, которое кротко названо Мусоргскимъ «самозванецъ».

Принято считать «самозванца» и Отрепьева за одно и тоже лицо. И артистъ, исполняющій эту партію, имѣетъ одинъ и тотъ же гримъ. Подробно разбирая текстъ Мусоргскаго, приходится признать, однако, что это не вѣрно: правильнѣе, согласно идеѣ Мусоргскаго, раздѣлить эту партію на двѣ: Григорія и Дмитрія, или, въ крайнемъ случаѣ артистъ долженъ гримироваться Отрепьевымъ иначе, чѣмъ Дмитриемъ.

Вотъ ясное тому доказательство.

Музыку первыхъ двухъ сценъ, тѣхъ, въ которыхъ является чудовской послушникъ Григорій Отрепьевъ, Мусоргскій написалъ на текстѣ Пушкина, не измѣнивъ почти ни одной строки.

Текстъ знаменитой «сцены у фонтана», въ которой Григорій Отрепьевъ Пушкина сознается Маринѣ въ своемъ самозванствѣ, изобилуетъ замѣчательными поэтическими красотами.

И, однако, онъ не увлекъ Мусоргскаго.

Онъ написалъ собственный текстъ, въ которомъ нѣтъ ни слова о самозванствѣ, и, наоборотъ, подчеркиваетъ, что Дмитрій твердо увѣренъ въ томъ, что идетъ на свой *наслѣдный* престолъ.

Мусоргскій вѣрилъ въ то, что Дмитрій былъ истинный царевичъ.

Но при тогдашней цензурѣ такая «ересь» подвергалась гоненію.

Самобытный, всегда вѣрный самому себѣ, Мусоргскій не хотѣлъ, да и не могъ по свойствамъ своей природы отказаться отъ дорогой ему идеи. Не такой это былъ человекъ: онъ могъ сломиться, но не согнуться.

Онъ не хотѣлъ, вѣря въ своего царевича, взять текстъ Пушкина—и въ первой редакціи своей оперы онъ вовсе выбросилъ «сцену у фонтана».

Только черезъ 2 года онъ написалъ ее. Но сравните двѣ «сцены у фонтана»—Пушкина и Мусоргскаго: въ нихъ нѣтъ ничего общаго.

У Пушкина—обманщикъ, Григорій Отрепьевъ, бѣдный черноризецъ, неправдой желающій захватить царскій престолъ.

Въ лучшемъ случаѣ авантюристъ...

У Мусоргскаго—царственный, благородный, пылкій человекъ, какимъ и былъ историческій Дмитрій; человекъ, твердо вѣрящій не только въ свое происхожденіе, но и въ призваніе. Онъ мыслить, говорить и дѣйствуетъ какъ могъ-бы мыслить, говорить и дѣйствовать только подлинный царевичъ Дмитрій.

Стоитъ внимательно вникнуть въ текстъ Мусоргскаго, чтобы не осталось сомнѣній въ его взглядѣ на Дмитрія *).

Мусоргскій—не только, какъ композиторъ, но и какъ историкъ опередилъ своихъ современниковъ. Болѣе—и въ наше время, когда историческая критика далеко шагнула впередъ, Мусоргскій остается почти одинокимъ съ своимъ подлиннымъ царевичемъ Дмитриемъ.

Еще не пришло время для такого признанія. Въ брошюрѣ «Тайна смутнаго времени» я попытался собрать всѣ доказательства въ пользу того, что въ Москвѣ царствовалъ подлинный сынъ Іоанна Грознаго, а не самозванецъ.

Но всего убѣдительнѣе наглядные примѣры.

Дирекція московской оперы Зимина дѣлаетъ первую попытку подкрѣпить идею Мусоргскаго наглядно.

Въ постановкѣ «Бориса Годунова» артистъ, исполняющій партію таинственнаго героя смутнаго време-

*) Этотъ взглядъ подкрѣпляется свидѣтельствомъ Д. В. ова, друга Мусоргскаго.

„Духъ земли“ у Корша.

Р. Карелина-Раичъ

въ роли Лулу (III-й актъ).

ни, играетъ его въ двухъ различныхъ гримахъ—Григорія Отрепьева по Петрею **) и царя Дмитрія по дошедшимъ до насъ портретамъ.

Было-бы лучше, если-бы дирекція сразу смѣло покончила съ отжившей рутинной и раздѣлила партію между двумя артистами, но и первый шагъ достаточенъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что послѣдуетъ и второй: онъ будетъ соответствовать идеѣ великаго композитора.

Л. Оленинъ.

Московскія тѣни.

(Страницы случайныхъ воспоминаній).

Съ Москвой связаны годы моего дѣтства, затѣмъ годъ-другой я провелъ здѣсь въ юношескую пору.

Впечатлѣнія дѣтства и далекой молодости не умираютъ и остаются памятными на всю жизнь.

Когда я брожу по Москвѣ, наѣзжая сюда изрѣдка, я живу воспоминаніями, предо мной встаютъ тѣни большихъ и малыхъ людей, которыхъ я здѣсь встрѣчалъ у своего отца, у знакомыхъ, людей—которыхъ я зналъ, которые воскресаютъ въ моей памяти.

**) По Петрею Отрепьевъ имѣлъ волосы черные.

Бдешь по московскимъ улицамъ и эти гѣни все чаще и чаще встаютъ передо мной.

На Плющихѣ въ домѣ бывшемъ Дарагана у насъ собиралась литературно-художественная Москва того времени—Ник. Рубинштейнъ, П. Садовскій, И. В. Самаринъ, Шумскій, Вильде, А. И. Кошелевъ, Аксаковъ, Н. Горбуновъ, Островскій, Кашперовъ, Чайковскій, Ларошъ, Тургеневъ, прїѣзжавшій изрѣдка въ Москву, К. Давидовъ и др.

Разумѣется тутъ встрѣчаются имена не однихъ москвичей, но и тѣхъ, которые бывали часто въ Москвѣ.

Не разъ навѣщали насъ Некрасовъ проѣздомъ въ Ярославскую губернію или на обратномъ пути, Щедринъ-Салтыковъ, ѣздившій потомъ въ свое подмосковное имѣніе и др.

Всѣ эти имена говорятъ мнѣ о старой Москвѣ, объ отжитомъ далекомъ времени. Позднѣйшая Москва до Антона Чехова включительно еще болѣе свѣжа въ памяти.

Памятникъ Пушкину заставилъ меня вспомнить дни его открытія, я прїѣзжалъ съ отцомъ А. Н. Плещеевымъ, у котораго въ Лоскутной гостиницѣ приходилось проводить время съ Ф. М. Достоевскимъ. Они были на «ты» со временъ печальныхъ дней процесса Петрашевскаго и, несмотря на то, что во многомъ расходились, оставались въ наилучшихъ искреннихъ отношеніяхъ.

Москва у памятника Пушкина ихъ снова сблизила, много было говорено и перечувствовано. И ни разу они, при мнѣ по-крайней мѣрѣ, не обмолвились о пережитомъ несчастіи, какъ будто его не было. Пушкинъ, литература, молодежь были предметами обмѣна мыслей между ними, что памятно мнѣ съ ясностью.

Достоевскаго праздникъ утомлялъ до обмороковъ, онъ съ трудомъ иногда ходилъ, останавливаясь, чтобы отдохнуть.

Не забуду оваціи, которая выпала на долю Достоевскаго послѣ знаменитой рѣчи. Кто-то объявилъ, послѣ громоваго пріема, когда Достоевскій успокоился: «Федоръ Михайловичъ прощается съ московскимъ обществомъ»—и, буквально, едва передвигая ноги, появился на эстрадѣ Достоевскій съ поклономъ.

Кто былъ свидѣтелемъ этого, тотъ никогда не забудетъ подъема, царившаго въ залѣ.

* * *

За памятникомъ Пушкина, взоръ останавливается на Пушкинскомъ театрѣ А. Бренко... Модестъ Писаревъ, Андреевъ-Бурлакъ, Ивановъ-Казельскій... И рядомъ съ ними имена по-нынѣ украшающихъ сцену Южина-Сумбатова и Далматова.

Изъ Пушкинскаго театра беретъ начало, собственно говоря, театръ Корша...

Пушкинскій театръ—былъ литературный театръ и его пионеры близкіе родственники отечественной литературы...

Этотъ театръ шель рука объ руку съ литературой.

Была особая атмосфера, зарождался русскій частный театръ съ высокими традиціями, который до того времени давила монополія министерства двора.

Роль Пушкинскаго театра историческая, не говоря о талантахъ, расцвѣтавшихъ здѣсь, каковы Бурлакъ и Писаревъ.

Писарева и Бурлака первый разъ я засталъ въ уборной послѣдняго. Онъ читалъ вслухъ статью Щедрина въ только что принесенной свѣжей книжкѣ «Отечественныхъ записокъ».

Жалованье А. А. Бренко выплачивала туговато, ей не особенно везло, но роптали мало. Сильнѣй другихъ, помню, ропталъ покойный Ивановъ-Казельскій, не желавшій однажды безъ денегъ выходить на сцену.

Писаревъ и Бурлакъ напротивъ старались вліять примиряюще, глубоко любя близкое сердцу дѣло.

Мнѣ извѣстенъ такой фактъ. Писаревъ обратился къ молодому актеру, которому задерживали жалованье:

— Терпите... я вамъ заплачу, у меня есть немного денегъ... скажите, чтобы ваше жалованье передали мнѣ...

Модесту Ивановичу больно было, что дѣло трещало.

* * *

Извиняюсь передъ читателемъ, что я перебрасываюсь съ предмета на предметъ безъ всякой системы, но вѣдь это только клочки воспоминаній...

Въ Большой Московской гостиницѣ, гдѣ я останавливался, я встрѣтилъ Антона Чехова. Онъ зазвалъ къ себѣ, просидѣли вдвоемъ довольно долго.

Тогда еще Чеховъ не мечталъ о продажѣ сочиненій Марксу.

Въ номерѣ было темновато, сумерки, да и што-ра почти спущена.

На столѣ валялся листъ бумаги, съ начатымъ разсказомъ.

— Обѣщаль въ «Петербургскую Газету» дать что-нибудь... просилъ Худяковъ... и финансы нужны.

— Въ «Петербургской Газетѣ» вы начали писать въ Петербургѣ,—сказаль я Антону Павловичу.

— Двери петербургскихъ редакцій открылъ для меня Лейкинъ, онъ мнѣ первый писалъ письма, приглашая работать, онъ и Худякову указаль на меня. Лейкину въ этомъ отношеніи я обязанъ...

— Онъ говорилъ мнѣ, что открылъ «талантъ», но Д. В. Григоровичъ увѣрялъ, что вашъ разсказъ онъ читаль Суворину...

— Григоровичъ, это ужъ послѣ, позднѣе, я вамъ кажется, говорилъ, а Николай Александровичъ прежде всѣхъ... Комикъ этотъ Лейкинъ, но хорошій человекъ я люблю его. Надо ему что нибудь написать.

Значительно позже Антонъ Павловичъ какъ будто начиналъ предчувствовать какое-то новое теченіе въ литературѣ.

Въ то время въ Петербургѣ зашумѣли Амфитеатровъ и Дорошевичъ...

— Чувствую, что надвигается что-то новое, что не стануть скоро такъ писать, какъ теперь пишутъ... Вотъ читаю Амфитеатрова и Дорошевича... что-то новое... можетъ быть они съ ихъ талантами ведутъ на другую дорогу. Не знаю почему, но кажется мнѣ, что наша форма старѣетъ.

У Чехова я бываль въ Москвѣ нѣсколько разъ, въ его семьѣ, былъ у него въ Крыму, видѣлись за границей, но мои наблюденія подсказывали мнѣ, что лучше всего онъ чувствовалъ себя въ Москвѣ, съ которой сжился, сроднился.

Послѣдній разъ въ жизни я видѣлъ его въ Москвѣ, побывавши у него передъ постановкой «Вишневаго сада».

* * *

Когда смотрю на Малый театръ снова возвращаюсь къ дѣтству и юности.

У меня запечатлѣлись два спектакля, на которыхъ я былъ мальчикомъ съ отцомъ. Смотрѣлъ М. П. Садовскаго во время его дебюта въ «Свои люди

сочтемся» и «Каширскую старину» съ Садовскимъ-отцомъ, Вильде, Акимовой и др.

Но болѣе точно и ясно помню Малый театр въ дни своей привязанности къ сценѣ.

Я когда-то дебютировалъ въ Маломъ театрѣ, въ роли Платона въ ком. Островскаго «Правда хорошо, а счастье лучше».

Съ страшной робостью я пришелъ за кулисы этого славнаго храма, служителямъ котораго поклонился.

Ввелъ меня туда знаменитый въ свое время театраль, правитель канцеляріи кн. В. А. Долгорукова, основатель общества драматическихъ писателей В. Н. Родиславскій.

Оглянулся я со страхомъ на репетиціи, сознавая свое ничтожество и порицая свою смѣлость.

Бергъ, Микулѣнко, М. Садовскій, режиссеръ Черневскій... Всѣ они меня смущали, но доброе, сердечное отношеніе, скажу болѣе, какое-то родственное съ ихъ стороны, ободрило меня и я заговорилъ.

Родиславскій, говорившій совершенно женскимъ голосомъ, былъ у меня за кулисами и доброжелатель ность этого человѣка меня поражала.

Этотъ московскій театраль считался ходячей живой, исторіей театральной Москвы. Онъ зналъ, кто когда, въ которомъ году дебютировалъ, кто когда изъ артистовъ и драматурговъ родился и умеръ, что написалъ и когда какая пьеса шла.

Онъ дышалъ театромъ и заслуга его передъ отечественными драматургами незабвенна: онъ обезпечилъ ихъ существованіе учрежденіемъ съ Островскимъ и др. общества драматическихъ писателей.

А. Плещеевъ.

Печать.

Въ №№ 30 и 31 «Моск. Еженедѣльника» находимъ весьма любопытную статью г. Сергѣя Глаголя, озаглавленную «нѣчто о театрѣ». По поводу стремленія нѣкоторыхъ «молодыхъ» превратить театръ въ храмъ священнодѣйствія, гдѣ будетъ снята рампа и зритель привлеченъ къ участию въ трагической пляскѣ, г. Глаголь справедливо замѣчаетъ, что весь вопросъ есть результатъ какого-то недоразумѣнія и смѣшенія понятій.

Театръ, какъ олицетвореніе и символизация, какъ появленіе человѣка въ роли кого-то другого, несомнѣнно, есть во всякой религіи, вѣрнѣе въ ритуалѣ каждой религіи.

Но гдѣ же основаніе для того, чтобы эту сценичность ритуала отождествлять съ самымъ его смысломъ и театральность религіи съ ней самой?

Если наша европейская драма развѣдась изъ религіознаго представленія грековъ, то это только историческая случайность, потому что театръ принадлежитъ вовсе не одной религіозной обрядности. Вонъ въ Средней Азіи ходятъ сказки, такъ называемые мадда. Они, жестикулируя и актерствуя, повѣствуютъ о событіяхъ прошлаго или происшествіяхъ изъ жизни легендарныхъ героевъ, а сопровождающій ихъ хоръ дружными выкрикиваніями послѣдняго слова вдохновенной тирады усиливаютъ впечатлѣніе, въ особо же сильныхъ мѣстахъ вдругъ дико вскрикиваетъ:—арри, т.-е. вѣрно.

Долго ли такому рассказыванью превратиться въ діалогъ, а изъ діалога въ цѣлое представленіе?

Или возьмите существующія тамъ же комическія представленія такъ-называемыхъ маскарабазовъ.

Это грубая и большей частью наивно циничныя сцены балаганнаго фарса на темы изъ обыденной жизни. Маскарабазы изображаютъ сцены изъ жизни животныхъ или сцену воровства, при чемъ актеры же изображаютъ и двери и сундукъ и т. п.

Представленія эти зашли сюда, повидимому, изъ Китая, ни съ какимъ религіознымъ ритуаломъ связи не имѣютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы отлично развиться въ нашу бытовую комедію.

Да наконецъ, зачѣмъ такъ далеко ходить. Балаганная пантомима и арлекиада итальянскаго ренессанса—какое отношеніе имѣла она къ религіи или священнодѣйствію?

Отличительная черта искусства—его недѣйствительность, наличность неодолимой стѣны между имъ и настоящей жизнью.

Картина не можетъ быть принята въ самомъ дѣлѣ за окио, съ виднѣющимся въ него пейзажемъ, музыка никогда не будетъ точно поддѣлывать бляеніе овецъ и мычаніе коровъ возвращающагося стада и никто не станетъ сочинять такой музыки, чтобы она точь-въ-точь походила на пѣнье соловья; никогда статуя не будетъ производить впечатлѣніе живого человѣка, вымазаннаго гипсомъ, и никто не повѣритъ, что Стелто въ самомъ дѣлѣ душитъ Дездемону на сценѣ театра.

Въ религіозномъ же ритуалѣ, какъ разъ, наоборотъ. Самые обычные поступки обыкновенныхъ людей вдругъ получаютъ въ глазахъ участниковъ, новый особый и таинственный смыслъ, и самыя обыденныя вещи пріобрѣтаютъ особую сверхъестественную силу. И сила эта можетъ быть такъ велика, что окрапленные самой обыкновенной ключевой водой но прошедшей черезъ ритуалъ обряда, параличные встаютъ, берутъ одръ свой и идутъ, а у нераскаянныхъ, но вѣрующихъ преступниковъ отнимается языкъ.

Будетъ-ли у человѣчества новая религія или не будетъ, но въ театрѣ,—резюмируетъ вполне основательно авторъ,—ей нечего дѣлать. Театръ въ храмъ она не превратитъ, какъ не сдѣлаетъ театра и изъ своего храма. Останутся каждый самъ по себѣ храмъ—храмомъ, а театръ—театромъ.

* * *

Тургеневскіе и Толстовскіе дни вызвали опубликованіе въ печати двухъ писемъ Тургенева и Толстого на имя извѣстной артистки московскаго Малаго театра Е. Н. Васильевой и дочери ея Н. С. Васильевой, артистки Александровскаго театра.

Письмо Тургенева:

«Я ниже подписавшійся отдаю Екатеринѣ Николаевнѣ Васильевой въ полное распоряженіе мою пьесу «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (напечатанную въ 7-мъ томѣ моихъ сочиненій) для постановки на сценѣ—и при этомъ изъясляю мое согласіе на всѣ тѣ сокращенія, кокорыя окажутся необходимыми».

Москва 1871.

Иванъ Тургеневъ.

Письмо Толстого:

«Я, съ своей стороны, не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы артистка Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Надежда Сергѣевна Васильева поставила въ свой бенефисъ мою драму «Власть тьмы», въ случаѣ разрѣшенія ея цензурой, и уполномочиваю ее дѣлать въ названной драмѣ вычерки, согласно требованіямъ цензуры и условіямъ спенической постановки».

Левъ Толстой.

* * *

«Пет. Газ. приводитъ интересную историческую справку:

Въ нынѣшнемъ году исполняется сто лѣтъ со дня возникновенія перваго въ Россіи театрального журнала.

Такимъ журналомъ былъ «Драматическій Вѣстникъ», сотрудниками котораго состояли такіе писатели, какъ И. А. Крыловъ, князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнѣдичъ, А. А. Писаревъ и др.

Здѣсь, между прочимъ, появились лучшія басни Крылова, и если журналу суждено было просуществовать всего одинъ годъ это объясняется тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ спеціальнымъ и имѣлъ ограниченный кругъ читателей.

Съ прекращеніемъ «Драматическаго Вѣстника» театральныя рецензіи переключались въ «Сѣверную Пчелу» Булгарина который исходатайствовалъ право писать театральную критику, подъ условіемъ «благонамѣреннаго и благороднаго тона», которыми будутъ проникнуты его рецензіи.

«Написанныя въ семъ же духѣ возраженія со стороны артистовъ, или авторовъ пьесъ будутъ приниматься безпрекословно», давалъ между прочимъ курьезное обѣщаніе Булгаринъ.

При всемъ томъ съ Булгарина взято было обязательство представлять статьи, до ихъ напечатанія, не только въ цензуру, но еще и въ театральную дирекцію.

Москва.

— Во вторникъ въ Москву пріѣзжаетъ А. Санинъ для формировація труппы въ петербургскій новый театръ.

— Театромъ Корша отправлена 28 авг. въ Ясную поляну слѣдующую телеграмму: «Великому писателю земли русской, слава и гордость всего міроваго, мыслящаго человечества, театръ Корша въ лицѣ его скромныхъ работниковъ кланяется земно. Ѳедоръ Корша».

— Отъ провинціальныхъ артистовъ находящихся въ настоящее время въ Москвѣ, отправлена поздравительная телеграмма Л. Н. Толстому слѣдующаго содержания: «Мы, скромные труженники провинціальной сцены, собравшіеся въ Москвѣ, въ историческій день 80-й годовщины Вашей славной жизни, приносимъ дань безораничнаго уваженія и сердечный привѣтъ великому художнику и мыслителю, пусть жизнь и дѣятельность Ваши, долго еще озаряютъ русскую жизнь свѣтлымъ лучомъ мысли и красоты. Спасибо учителю жизни! Многая лѣта!»

— Художественный театръ отираивль Л. Н. Толстому телеграмму слѣдующаго содержания: «Художественный театръ кланяется вамъ сегодня, великій учитель, въ глубокое сознаніи, что всѣ художественные пути нашего времени ведутъ къ вашему имени, какъ всѣ дороги когда-то вели къ Риму. Какъ-бы страстно ни бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ-бы на первый взглядъ ни измѣняли вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ по мѣрѣ нашихъ силъ кратчайшихъ или красивѣйшихъ путей къ тому, что составляетъ сердце и умъ русскаго искусства и что воплотило въ вашей гигантской личности. И въ сценическомъ творчествѣ, какъ въ литературномъ, послѣдніе предѣлы мы видимъ въ искреннѣйшихъ признаніяхъ совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной, вѣрной духу и характеру, выразительности. Этотъ завѣтъ міръ получилъ отъ васъ и за него нашъ театръ шлетъ вамъ благодарность изъ тѣхъ чистѣйшихъ источниковъ своей души, откуда исходятъ только любовь и молитва. Немировичъ-Данченко, Станиславскій».

— Художественный театръ ведетъ въ настоящее время переговоры съ извѣстнымъ англійскимъ режиссеромъ-новаторомъ г. Гордономъ Крегъ, предлагая ему поставить съ иаличными силами театра какую-либо шекспировскую пьесу. Для выясненія нѣкоторыхъ дѣталей этихъ переговоровъ. Гордонъ Крегъ, какъ мы слышали, осенью общался пріѣхать въ Москву и здѣсь на мѣстѣ познакомится съ театромъ, его сотрудниками и средствами. Въ случаѣ благоприятнаго исхода переговоровъ возможна еще здѣсь новая постановка, кромѣ ранѣ намѣченныхъ. Г. Крегъ является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ режиссеровъ современной англійской сцены.

— А. И. Косоротовъ написалъ новую четырехактную пьесу «Мухоловка». Тема пьесы—трагикомедія современнаго брака. Пьеса пойдетъ въ Александринскій театръ съ М. Г. Савиной, въ московскомъ Маломъ съ Е. К. Лешковской.

— Е. П. Карповъ заканчиваетъ двѣ пьесы: одну изъ жизни интеллигенціи, которая, вѣроятно, будетъ называться «Она все можетъ», и другую изъ жизни рабочихъ.

— И. И. Мясницкій написалъ одноактную шутку «Да здравствуетъ свобода».

— Андреевъ заканчиваетъ новую пьесу «Господинъ», о постановкѣ которой ведетъ переговоры съ Художественнымъ театромъ. «Господинъ» написанъ въ реальныхъ тонахъ.

Въ «Худож. театрѣ» идутъ усиленныя репетиціи «Ревизора» и «Синей птицы». Ревизоръ ставится цѣликомъ съ пропускаемыми обыкновено сценами Христіана Ивановича и Ростоконскаго. Идея постановки—дать трагикомедию: трагедию для дѣйствующихъ лицъ являющихся комедіей только для зрителей. Всякое подмигиваніе въ сторону зрителя, смѣшокъ актера надъ исполняемымъ имъ лицомъ безусловно исключаются. Изъ исполнителей пока выдаются: Ураловъ—городничій, Горевъ—Хлестаковъ, Москвинъ—Добчинскій. Любопытна и характерна декорация 1-го акта работы В. А. Симова: прекрасно схваченъ стиль присутственнаго мѣста, черезъ окна въ задней стѣнѣ видна будка и проч.

Въ «Синей Птицѣ» декорации работы Егорова; особенно хороша сказочный лѣсъ съ просвѣтами солнца, бликами на землѣ. Удивительно удалась безо всякихъ масокъ и наклеекъ гриммы животныхъ: Москвинъ—котъ, Лужскій—собака, Александровскій—свинья и Балевъ—быкъ.

Третьей постановкой Худож. театра, рѣшившаго держаться параллельно и идеалистическаго и реального репертуара, (отноудь не «У царскихъ вратъ», какъ неправильно озагла-

лены другіе переводы) Кнута Гамсуна въ переводѣ С. А. Полякова и Юргиса Балтрушайтисъ. Пьеса эта является, какъ извѣстно первой частью трилогіи, вторая часть которой—«Драма Жизни»—была уже съ такимъ совершенствомъ поставлена театромъ. О постановкѣ третьей части—«Вечерней зари»—вопросъ пока еще не возбуждался.

— Открытіе драматическихъ спектаклей на сценѣ Нѣмецкаго клуба назначена на 21-е сентября. Дѣя открытія спектаклей пойдетъ «Василиса Мелентьевна», для второго спектакля новая комедія Фульда «Дуракъ». Труппа состоитъ частью изъ выслужившихъ срокъ пенсіи артистовъ московскаго Малаго театра, частью изъ провинціальныхъ артистовъ. Участіе въ спектакляхъ принимаютъ г-жи Таирова, Харитоновна, гг. Пановъ, Пеняевъ, Лазаревъ, Славичъ и друг. Поручена постановка спектаклей правленіемъ клуба г-жѣ Ѳедотовой. Репертуаръ драга и комедія.

— Г. Басмановъ формируетъ въ настоящее время въ Москвѣ въ театральномъ бюро драматическую труппу для городовъ: Житомиръ и Полтава.

Сезонъ начинается въ концѣ сентября въ Житомирѣ, съ Рождества труппа перекачевывается въ Полтаву.

Изъ артистовъ ведутся переговоры съ г-жами Велизарій, Строевой-Сокольской и друг.

* * *

ТЕАТРЪ КОРША. По обыкновению первымъ гостеприимно распахнулъ свои двери театръ Корша въ традиціонное 15 августа и по традиціи-же Островскимъ. Шли «Волки и Овцы» съ г-жей Карелиной-Раичъ въ роли Глафиры. Артистка далеко не оправдала той славы, которая шла о ней изъ провинціи. Глафиру г-жа Карелина упростила до самаго обыкновеннаго комедійнаго персонажа и Островскаго до Бяришинскаго. Глафиры-вола не было. Не было того драматическаго элемента, которымъ обвѣяна эта роль. Не было драмы у г-жи Карелиной и въ «Духѣ земли» Ведеккина, на которомъ артистка остановилась для второго своего выхода. Духъ земли это ужъ даже трагедія. Здѣсь нуженъ подъемъ и подъемъ значительный. Лулу-змѣя—символь. Символь свободнаго инстинкта, не знающаго препятствій, цѣней и условностей. Но г-жа Карелина, увы, осталась только г-жей Карелиной. Лулу такъ и осталась въ суфлерской будкѣ. Второй дебютъ даетъ право ужъ безошибочно зачислить г-жу Карелину-Раичъ въ комедійныя и только въ комедійныя актрисы. Для легкой, неглубокомысленной комедіи у нея всѣ данныя. Но сама г-жа Карелина, видимо, этого сознавать не хочетъ, и въ первой комедіи сезона, въ остроумномъ Видовскомъ парадоксѣ « $2 \times 2 = 5$ » роль г-жи Карелиной почему-то исполняетъ г-жа Комаровская, а г-жа Карелина готовится къ новой драматической роли въ «Ворѣ» Бернштейна. Такіе эксперименты, конечно, отзываются и на общемъ ансамблѣ исполняемыхъ пьесъ. Въ «Любовь—сила» и « $2 \times 2 = 5$ » дебютировалъ предъ Москвой талантливый Горинъ-Горяиновъ. Это—умный, благородный, мягкой актеръ. Актеръ-баринъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Излишняя мягкость нѣсколько повредила актерю въ роли Абея въ « $2 \times 2 = 5$ » Горинъ-Горяиновъ не любитъ рѣзкихъ линий, не любитъ бравурнаго темпа, а межъ тѣмъ пьеса Вида требуетъ отчасти по характеру своему и того и другого.

* * *

ИТОГИ СОКОЛЬНИЧЬЕГО СЕЗОНА. Концертный сезонъ въ Сокольникахъ закончился 17-го августа. Матеріальные итоги его плачевны—дирекція П. И. Рѣшетникова понесла около 4,500 руб. убытку при 725 руб. вечероваго расхода на кругъ. Впрочемъ коммерческихъ цѣлей она и не преслѣдовала.

Еъ художественномъ отношеніи, какъ по интересности и свѣжести программъ, такъ и по общему уровню ихъ выполненія, дѣло было поставлено несомнѣнно выше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Главная заслуга въ этомъ, думается, принадлежатъ К. С. Сараджеву, выказавшему себя въ теченіе сезона прекраснымъ, утонченнымъ музыкантомъ съ привлекательной искренней и поэтичной индивидуальностью, чуждой всякаго ломанья, надрыва и сентиментальности. Къ сожалѣнію, благодаря, быть можетъ, условіямъ лѣтней работы, молодой дирижеръ не сдѣлалъ большихъ замѣтныхъ успѣховъ въ техникѣ дирижирования. Онъ все еще легко теряетъ самообладаніе, плохо разсчитываетъ динамическіе эффекты, мало слѣдитъ за равновѣсіемъ звучностей отдѣльныхъ членовъ и группъ оркестра, за общей красотой звука; вообще видимо интересуется почти исключительно музыкальной сущностью исполняемаго произведенія и мало его оркестровымъ нарядомъ, его внѣшней звуковой прелестью.

Изъ наиболѣе удачныхъ по нашему мнѣнію исполненій г. Сараджева отмѣтимъ: 2-ю часть 1-й симфоніи Калиникова, уверт. къ мейстерзингерамъ, «Зорахайду» Свендсена, «Три чуда» изъ «Царя Салтана», «Восточную рапсодію» А. К. Глазунова и сюиту Делиба къ «Le roi s'amuse». Наименѣе

коректно прошли: «Каприччио на испанскія темы» Н. А. Римскаго-Корсакова, аккомпанементъ 1-го фортепьяннаго концерта Чайковскаго, «Danse macabre» (съ г-жей Яблоновской) и «Прелюди» Листа; во время двухъ послѣднихъ приходилось даже останавливать оркестръ.

Двѣ «пятницы» дирижировалъ Н. Р. Кочетовъ и развелъ порядочную скуку. Особенно плохо вышли у него двѣ «Ночи»: Глинки—въ Мадридѣ и Мусоргскаго—на Лысой горѣ, обѣ волею таланта дирижера превратившіяся въ какую-то сѣренькую «Ночь въ Чухломѣ». Безъ шутокъ, слушая «Ночь въ Мадридѣ», казалось, какъ будто сонные обыватели вразбродъ шлепаютъ по грязи захолустной улицы; наталкиваются другъ на друга, не извинившись, расходятся въ разныя стороны.... Изрѣдка ихъ «осаживаетъ» начальственный окрикъ городского... Вся южная пѣга и капризность сочиненія улетучились неизвѣстно куда.

Наоборотъ съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ концѣ сезона и, къ сожалѣнію, тоже только 2 раза А. П. Аслановъ, показавшій прекрасную технику, умѣнье сразу освойтись съ новымъ для него составомъ оркестра, выравнять его регистры, точно установить для него всѣ динамическіе оттѣнки отъ рр. до ff. Подъ его управленіемъ оркестръ игралъ до очевидности легко, свободно, не нервничая и не ропускаясь. И, странное дѣло, куда-то безслѣдно провалилась и пресловутая «плохая акустика» павильона, съ которой до того положительно сладу не было.

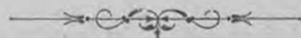
Самъ П. И. Рѣшетниковъ дирижировалъ, главнымъ образомъ, воскресными общедоступными концертами. Это, несомнѣнно, способный человекъ, неизмѣнно пользовавшійся успѣхомъ у своей публики. Дирижировали еще С. А. Бейлезонъ и (одинъ разъ) А. К. Метнеръ, оба, особенно послѣдній, съ вполне заслуженнымъ неуспѣхомъ.

Изъ солистовъ (иногда весьма неважнаго достоинства) заслуживаютъ быть отмѣченными: извѣстный въ Москвѣ пианистъ Н. Мейчинъ; «парижскій» теноръ Д. А. Смирновъ, всячески старающійся и репертуаромъ, и своей, чуть не Вяльцевской манерой пѣнія, «потрафить» на вкусъ большой публики; пѣвицы Е. И. Зандерсъ, В. В. Ходнева и особенно Е. И. Калиновичъ, тонкая умная пѣвица, которой намъ раньше не приходилось слышать. Нѣсколько разъ играла solo и концертмейстеръ оркестра г-жа Занолли;—у ней слабый тонъ, не по женски грубая, прямолинейная фразировка и далеко небезупречная чистота игры.

Н. Бас.

* * *

† Е. И. Онѣгинъ. Въ Θεодосіи умеръ отъ холеры артистъ Е. И. Онѣгинъ (Семихатовъ). Покойный уроженецъ Харьковъ, воспитывался въ 1-й гимназіи и сценическую дѣятельность началъ въ 1903 году въ малорусской труппѣ Глазуненко.

„Власть тьмы“ на сценѣ театра „Скоморохъ“.

(Бесѣда съ А. А. Черепановымъ).

Бывшій предприниматель театра «Скоморохъ», хорошо извѣстный московской публикѣ А. А. Черепановъ, охотно подѣлился съ нами своими воспоминаніями, связанными съ постановкой «Власти тьмы» на сценѣ театра.

— Съ постановкой пьесы Л. Н. Толстого мнѣ пришлось много вытерпѣть. Пьесу мнѣ долго не разрѣшали къ представленію, не смотря на мои настойчивыя просьбы и пристаиваніе. Полицеймейстеромъ въ то время въ Москвѣ былъ А. А. Власовскій. Я почти каждый день бывалъ у него на приемѣ, упрашивая разрѣшить мнѣ выпустить афишу, извѣщающую о постановкѣ «Власти тьмы», но, напрасно, ничто не помогало. Власть тьмы шла уже въ то время въ Петербургѣ въ театрѣ А. С. Суворина, которому удалось добиться соотвѣтственнаго разрѣшенія, готовилась она къ постановкѣ въ театрѣ Корша. Мнѣ-же не разрѣшали ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что «Скоморохъ»—народный

театръ, а «Власть тьмы», пьеса не для народа. Наконецъ, столь долгожданное разрѣшеніе на право постановки было мною получено и мы приступили къ репетиціямъ. Пьеса успѣла въ то время уже раза три пройти у Корша.—Распредѣленіе главныхъ ролей на первомъ представленіи было слѣдующее:

Петръ—Терновъ, Анисья—Бронская, Никита—Селивановъ, Акулина—Чердошская, Анютка—Кварталова и моя дочь Нюша Черепанова, Акимъ—Фелоновъ, Митричъ—Разказовъ и я, Матрена—Гергеръ-Глазунова, Маринка—Борисова, кума—Пожарская, урядникъ—Перовъ, мужъ Маринки—Поликарповъ, сватъ—Вильде. Первое представленіе состоялось 26 октября 1895 г.

«2 × 2 = 5» у Корша.

А К Т Ъ II-й.

Оригинально ставилась въ нашемъ театрѣ пьеса Л. Н. Толстого.

Для выработки у актеровъ народнаго говора я приглашалъ всю труппу каждый день къ себѣ и бесѣдовалъ при нихъ съ кухаркой и кормилицей моихъ дѣтей, уроженками Тульск. губ. За костюмами къ пьесѣ специально послалъ свою кормилицу въ Тульскій уѣздъ. Декорацию рисовалъ Гурновъ, котораго я три раза заставлялъ ихъ переписывать. Мы дали совершенно черную постановку, отъ которой, какъ говорили въ публикѣ, «такъ навозомъ и пахнетъ». Для большаго реализма па сценѣ въ день перваго представленія фигурировали бараны, двѣ лошади. Расскажу вамъ одинъ характерный случай имѣвшій мѣсто въ нашемъ театрѣ на одномъ изъ представлений «Власти тьмы». Въ реквизиторской театра, разгуливали на свободѣ два пѣтуха, необходимые въ качествѣ аксессуара для постановки шедшей у насъ мелодрамы «Варовка дѣтей».

На одномъ изъ представлений «Власти тьмы», какъ разъ во время той сцены, когда Никита копаетъ въ погребѣ яму, пѣтухи запѣли и публика пришла въ удивленіе отъ такого реализма постановки. На другомъ представленіи во время той-же сцены кто-то изъ публики галереи крикнулъ со слезами въ голосъ какъ разъ въ то время, когда Никита идетъ копать яму для ребенка:

— Никита, другъ, не ходи, не вѣрь бабамъ!

Изъ этого вы можете заключить какъ воспринималась пьеса. Щи и каша подавались у насъ такъ, что когда ихъ доставали изъ печи, отъ нихъ шелъ паръ.

На первомъ представленіи пьеса имѣла громадный успѣхъ, хотя сборъ былъ всего 160 руб. Объясняется это тѣмъ, что афиша была поздно выпущена и день перваго представленія не былъ извѣстенъ широкимъ кругамъ публики.

Второе представлѣніе, состоявшееся на слѣдующій день, собрало уже почти полный театр, дальше сборы все повышались. Въ теченіе перваго сезона «Власть тьмы» прошла у насъ 80 разъ, давъ мнѣ до 30,000 чистой прибыли.

Въ «Московскомъ Листкѣ», «Русскомъ Листкѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились пространныя статьи, въ которыхъ воздавалось должное нашему театру и приводилось сравненіе съ постановкой и исполненіемъ этой пьесы въ театрѣ Корша.

А. Амфитеатровъ посвятилъ весь свой недѣльный фельетонъ постановкѣ «Власти тьмы» въ Скоморохѣ. На спектакляхъ пьесы Л. Н. перебивала вся литературная и театральная Москва. Былъ режиссеръ Малаго театра г. Черневскій, подъ руководствомъ котораго пьеса ставилась на московской Императорской сценѣ и мног. друг.

Часто приходили въ театръ графиня С. Толстая съ дѣтьми.

Небезынтересный случай могу вамъ передать о посѣщеніи меня на дому Л. Н.

Какъ-то пришелъ я изъ театра, послѣ репетиціи и легъ, по обыкновенію, отдохнуть. У меня въ то время дома находился артистъ Никольскій и еще кто-то. Какъ мнѣ потомъ передавали, какой-то старикъ спросилъ дома-ли я и, узнавъ, что я сплю, сказалъ, что не хочетъ меня беспокоить и зайдетъ еще разъ.

Никольскій узналъ Л. Н., когда онъ проходилъ уже мимо оконъ, разбудилъ меня, но было уже поздно, Л. Н. нельзя было уже догнать.

На слѣдующій же день я лично отправился къ Л. Н. въ Хамовники,

Маститый писатель сказалъ мнѣ, что хотѣлъ-бы побывать у меня въ театрѣ, но при условіи, что не будетъ никакихъ овацій. Я спросилъ, не оставитъ-ли для него билета въ партеръ или ложу, Л. Н. отказался,—сказавъ, что купить билетъ въ кассѣ.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что для Л. Н. куплены два мѣста на балконѣ. Приѣхалъ Л. Н. Толстой въ театръ со своимъ управляющимъ изъ Ясной Поляны.

Управляющій просилъ меня не допускать въ теченіе спектакля по адресу автора «Власти тьмы» никакихъ овацій, такъ какъ въ иномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ покинуть театръ до конца спектакля.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Л. Н. въ которомъ онъ просилъ меня поставить въ моемъ театрѣ пьесу учителя Семенова «Не все то золото что блеститъ».

Е. Бер—тъ.

Петербургъ.

— Новый театръ снятъ гг. Фальковскимъ и Сукенниковымъ. Режиссеромъ приглашенъ Санинъ.

— Суворинскій Малый театръ открылся «Двѣнадцатой Ночью» Шекспира, въ которой дебютировалъ новый режиссеръ г. Арбатовъ. По отзыву «Пет. Газ.» актеры и актрисы играли съ какой-то непривычной робостью, изъ-за которой нѣкоторыя сцены, полныя шекспировскаго юмора, казались немного накрахмаленными».

— Въ Петербургъ вернулся директоръ Императорскихъ театровъ В. Теляковскій.

— Александринскій театръ открылся 30 августа Тургеневскимъ спектаклемъ. Шли сцены изъ «Мѣсяца въ деревнѣ», «Провинціалка» и «Гдѣ тонко, тутъ и рвется».

— Въ архивахъ Александринскаго театра найдены рукописи Некрасова.

Цензура нравовъ.

(Письмо въ редакцію).

Г. Багровъ предъявилъ списокъ своей труппы Одесской театральной комиссіи, а театральная комиссія вычеркнула изъ этого списка одну какую-то актрису за предосудительный якобы образъ жизни.

Господамъ членамъ театральной комиссіи—и книги въ руки...

О какой именно актрисѣ рѣчь идетъ я не знаю, но утверждаю, что подобное вторженіе въ частную жизнь артистовъ, безапелляционное рѣшеніе этическихъ вопросовъ и безцеремонное гласное лишеніе чести актрисы и женщины,—фактъ глубоко возмутительный даже въ наши сѣрые, безцвѣтные дни!

Г.г. русскіе актеры, о васъ-ли тутъ рѣчь идетъ?! Не вашего-ли товарища-женщину смертельно оскорбили?

Любопытно кстаи знать, гдѣ вы, когда васъ бьютъ и когда собственно реагируете вы?

Неужто только на сценѣ и только тогда, когда у вашего противника—картонная рапира! Стыдно!

Гдѣ труппа г. Багрова? Гдѣ ващъ протестъ, мужчины-актеры, «герои» и «благородные отцы»—на сценѣ?!

Тутъ какое-то недорасумѣніе. Одни члены комиссіи побѣждаютъ въ неравной борьбѣ антрепренера; другіе, накучивъ лѣтними каникулами, бросаются на «побѣлку и протярку» театра; третьи, пренебрегая своими прямыми обязанностями, занялись реставраціей актерской нравственности.

Сегодня изгнали «Марью Ивановну», завтра—«Надежду Николаевну». Сегодня—актрисъ, завтра—актеровъ.

Неужели тутъ можно молчать?

Ал. Бурдъ-Восходовъ.

20 августа.

Провинція.

Бердичевъ. Въ Бердичевѣ за два часа до начала спектакля сгорѣлъ театр. Пожаръ возникъ отъ неисправности электрическаго освѣщенія.

Вильна. Городской малый театръ данъ на зиму г-жѣ З. А. Малиновской. Въ составъ труппы вошли:

Мужской персоналъ: Рыбниковъ (герой, характ. резонеръ), Бѣлина-Бѣлиновичъ (характер. комикъ), Горекинъ (любовникъ-неврастенникъ), Гонскій (характерный комикъ), Морозовъ (резонеръ), Младушевскій (резонеръ), Рустановъ (комикъ), Резиновъ (2-й любовникъ), Чаровъ (простакъ) и вторые актеры: Хованскій, Данильскій, Пепита и Александровъ.

Женскій персоналъ: Буткевичъ (драмат. героиня и coquette), Львовичъ (характ. ingénue), Раевская (драм. coquette)—до 4 ноября; Сарахина (драмат. coquette)—съ 4 ноября; Сеневская (комич. стар.)—артистка москов. Импер. театровъ, Попова (grande dame), Чернова (ingenue coquette), Зенковская (ingenue-харак., бытов.), Малиновская (характ.), Ольга (coquette) и 2-а артистки—Тонская (старуха), Лель, Бланкъ, Михайлова и Сейфулина.

Главный режиссеръ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, суфлеръ—Черновъ, помощ. реж.—Демидовъ, парикмахеръ Плоховъ (Император. театр.).

Сезонъ предполагается начать въ первыхъ числахъ октября. Въ основу репертуара вошли, помимо новинокъ, которыя появятся въ теченіе сезона: Воевода, Гроза, Снѣгурочка, Василиса Мелентьевна, Царь Борисъ, Эросъ и Психея, Дядя Ваня, Отелло, Король Лиръ, Горе отъ ума, Ревизоръ, Анна Каренина, Религія красоты (Ведекиндъ), Побѣда смерти (Соллогубъ), Орлеанская дѣва, Послѣдняя воля, Волна, Воръ (Бернштейна), Гусарская лихорадка и др.

Кіевъ. Составъ труппы театра «Соловцовъ», дирекція И. Э. Дуванъ-Торцова. Женскій персоналъ: г-жи: Александровичъ М. Г., Баркалова, С. А., Борисова М. Л., Валенто М. В., Грей Л. П., Гофманъ Н. К., Дабищъ О. Н., Ивальди А. В., Лѣсная Л. О., Любавская Е. А., Матрозова М. Н., Невѣрова О. Н., Норская М. А., Пасхалова А. А., Розанова Е. М., Рощина-Бенуа В. А., Стрѣшнева М. В., Тарская Н. И., Тока-

рева А. В., Чаруская Е. В., Чужбинова М. Ф., Юрьева М. А., Эллис Н. Н., Яровая Л. Н. Мужской персонал: гг. Болховской В. Н., Борисовъ Л. А., Брянскій В. М., Варскій С. Т., Глоринъ А. П., Дагмаровъ В. Н., Дагмаровъ-Жуковъ М. П., Двинскій А. П., Дитиненко Е. Д., Дуванъ-Торцовъ И. Э., Карскій С. С., Крамовъ А. Г., Кедринъ И. Н., Каренинъ И. Л., Леонтьевъ П. И., Левицкій М. О., Молотовъ В. А., Монко Д. С., Недѣлинъ Е. Я., Полонскій А. В., Раисовъ П. С., Руднинскій А. В., Смирновъ Д. Ф., Степановъ Н. А., Тихомировъ А. А. Режиссеры В. Н. Дагмаровъ и Н. Е. Савиновъ. Помощники режиссера П. Д. Девени и А. В. Капитановъ. Суфлеры: Б. Г. Крюковской и К. А. Савицкій. Художникъ декораторъ П. И. Андрияшевъ. Машинистъ сцены Е. В. Поздняковъ. Парикмахеръ И. П. Черемискинъ. Бутафоръ А. Н. Егоровъ. Костюмеры: О. С. Степанова и Л. М. Шнейвейсъ. Кассиры: А. М. Злачевская и М. Д. Егорова. Секретарь театра С. Т. Варскій. Концертный оркестръ изъ 28-ми человекъ подъ управленіемъ дирижера М. И. Черняховскаго (старшаго).

— Въ исполненіи «Плодовъ просвѣщенія», идущихъ въ юбилейный спектакль, посвященный Л. Н. Толстому, приметъ участіе и М. М. Глѣбова

— Въ Кіевѣ въ театрѣ Соловцовъ для полноты сценической иллюзіи снята суфлерская будка. Она помѣщается подъ рампою и совершенно не видна зрителямъ.

— Составъ оперной труппы, на предстоящій сезонъ въ городскомъ театрѣ слѣдующій: драматическія сопрано—г-жи Валицкая и Воронецъ-Монтевидео; лирическія сопрано—г-жи Арцибашева, Петровская и Гушина; колоратурныя сопрано—г-жв Шмидтъ и Улешко; меццо-сопрано—г-жи Ратмирова-Чайзева и Чаплинская. Тенора: гг. Махинъ, Лазаревъ, Орѣшквичъ, Селянинъ и Браининъ; баритоны: гг. Бочаровъ, Анъ, дреевъ и Соколовскій; басы: гг. Боссэ, Тихоновъ и Цесевичъ. Композиторъ: гг. Летичевскій, Гриневъ, Дисненко, Ковалевскій. Дирижеры: гг. Пагани, Палицынъ и Рубинштейнъ. Режиссеръ г. Боголюбовъ, помощникъ режиссера И. Грибергъ. Суфлеръ В. Гринбергъ. Хоръ подъ управленіемъ г-жи Каваллини. Балетъ подъ управленіемъ г-жи Ланге-Ленчевской. Художникъ декораторы: гг. Эвенбахъ и Мягковъ. Бутафоръ г. Кирѣвичъ. Администраторъ театра г. Бѣлоглазовъ. Въ репертуаръ театра включены слѣдующія новинки: «Сказки Гофмана» Оффенбаха, «Сандрильона» Массенъ, «Валькиріи» Вагнера, «Хованщина» Мусоргскаго, «Князь Игорь» Бородина, «Донъ-Пасквиль» Доницетти, «Донъ-Карлосъ» Верди, «Янекъ» Желенскаго. Сезонъ предполагается открыть 2-го сентября оперой «Сказка о царѣ Салтанѣ».

— Въ началѣ сентября въ Кіевѣ открываются «вышіе оперные и драматическія курсы» артиста Императорскихъ театровъ, проф. иѣня М. Е. Мендѣлева.

— Антрепренеръ кіевского гор. театра С. В. Брыкинъ, присутствовавшій на вагнеровскихъ торжественныхъ спектакляхъ въ Мюнхенѣ, вызвалъ въ Германію капельмейстера г. Пагани и режиссера г. Боголюбова для ознакомленія съ образцовымъ исполненіемъ вагнеровскихъ оперъ. Рѣшено поставить въ Кіевѣ «Валькирію».

Минскъ. Съ 16 сентября открываетъ спектакли опера Федорова. Составъ труппы: драм. сопрано г-жи Карпова, лирич. Федоровская, Коррезъ, колоратурное—Чардокли, лир. колоратурное—Омбра, меццо-сопрано—г-жи Августиневичъ, Доленго, контраalto—Вольская, 2-я партія Федорова, Корхъ.

Драматическій теноръ г. Костяковъ, лирич.—г. Горянскій, Лавровъ, 2-я партія Ансеровъ, Бобринскій, баритоны—гг. Модестовъ, Мироновъ, Имницкій, Драгошъ, басы Федоровъ, Правдинъ, Пироговъ, 2-я партія Свободинъ, Разумскій.

Нижній-Новгородъ. Въ ярмарочномъ театрѣ «Лубянскаго сквера», по отзывамъ Ф. П. Атлантова.

Омскъ. Антреприза Н. Д. Кручинина. Составъ труппы: г-жи Вольская, Ильина, Поварго, Крамская, Рутковская, Рустанова, Шибуева, Нильская, Маревичъ, Ратманова, Батманова, Никитина; гг. Муравьевъ, Корсаковъ, Петровъ-Краевскій, Жуковскій, Савельевъ, Батмановъ, Петипа, Лавровъ, Богдановъ, Горбачевскій, Никитинъ. Режиссеръ Горбачевскій, помощникъ режиссера Владиславскій.

Одесса. Театральная коммисія приняла и утвердила слѣдующій составъ драматической труппы г. Багрова на предстоящій сезонъ.

Г-жи Голубева, Юренева, Шухмина, Звѣрева, Мельникова, Рахманова, Инсарова, Бертеръ (ingenue), Мансвѣтова (ingenue), Андриевская, Бабикова, Бялковская, Давидова, Киселевская, Колдэнъ, Иванчина, Ліанова, Маслова, Пилецкая, Прахницкая, Эдвардъ, Элоская и др.; гг. Багровъ, Горѣловъ, Берсеновъ (любов.), Павленковъ, Радинъ, Дмитріевъ (ком.), Кузнецовъ (прост.), Алексѣевъ-Месхіевъ, Вершининъ, Давидовскій, Ермаковъ, Ждарскій, Лаврепкій, Любичъ, Марченко, Негоревъ, Николаевъ, Ниловъ, Раневскій и др. Главный режиссеръ г. Марджановъ, режиссеръ г. Алексѣевъ-Месхіевъ.

Въ приведенномъ составѣ, коммисія оставила актрису которая была прежде вычеркнута въ цѣляхъ «нравственности» въ частномъ совѣщаніи председателемъ и однимъ членомъ коммисіи. Говорятъ, однако, что актриса эта сама отказывается

«2 × 2 = 5» у Корша.

А К Т Ъ III-й.

Сцена въ тюрьмѣ.

теперь отъ ангажемента. Разсмотрѣла также театральная коммисія репертуаръ на первое время. Сюда входятъ:

«Комедія любви» Ибсена, «Колдунья» Чирикова, «Дядя Ваня», «Плоды просвѣщенія», «Дмитрій Самозванецъ» Островскаго, «Принцесса Мелэнъ» Метерлинка, «Мертвый городъ» Д'Анунціо, «Заклдованный кругъ» (перев. съ польск.), «Голось жизни», «Тривіальная комедія» Оскара Уайдля, «Бѣлый горонъ» Чирикова, «Драма жизни» Кнута Гамсуна, «Гамлетъ», «Много шуму изъ пустяковъ» Шекспира, «Синяя птица» Метерлинка, «Отступничество Цезаря» Ибсена, «Франческа да Рамини» Д'Анунціо, «Безумная Юлькемъ» (пер. съ польск.) и др.

Любопытный обмѣнъ письмами произошелъ между артисткой Алинской и антрепренеромъ г. Багровымъ. Разоблаченная на что-то г-жа Алинская обратилась, какъ ее въ томъ обвинилъ печатно, за защитой своихъ правъ въ «союзъ русскаго народа». Г-жа Алинская въ свою очередь тиснула въ «Од. Нов.» письмо, въ которомъ заявляетъ, что къ «союзу» она не обращалась, и что «цѣль» г. Багрова перенести инцидентъ на острую политическую почву». Въ отвѣтъ на это г. Багровъ помѣстилъ въ той же газетѣ письмо такого содержания: «Я получилъ увѣдомленіе отъ повѣреннаго г-жи Алинской, что она обращается со своимъ дѣломъ въ судъ. Я очень радъ этому, такъ какъ разборъ дѣла въ судѣ въ точности выяснитъ, кто изъ насъ правъ. При данныхъ условіяхъ я считаю дальнѣйшія возраженія на помѣщаемыя г-жей Алинской въ газетахъ письма совершенно неумѣстными».

— Въ театральныхъ сферахъ оживленные толки вызываетъ инцидентъ, происшедшій между членомъ театральной коммисіи И. А. Казариновымъ и главнымъ режиссеромъ Гор. театра г. Марджановымъ. Дѣло обстояло такъ. Во время вечерней репетиціи г. Марджановъ, всегда настаивалъ на томъ, чтобы во время репетицій никто изъ постороннихъ лицъ не присутствовалъ, замѣтилъ въ зрительномъ залѣ членовъ коммисіи гг. Казаринова, Никитина и нѣкоторыхъ дамъ. Г. Марджановъ заявилъ, что онъ въ присутствіи постороннихъ лицъ не будетъ репетировать и распорядился о томъ, чтобы былъ опущенъ занавѣсъ. На другой день, гг. Казариновъ и Никитинъ направлялись по сценѣ въ контору коммисіи. На сценѣ въ это время находились гг. Багровъ и Марджановъ. Г. Казариновъ поровнявшись съ ними, но не обращаясь лично къ нимъ, заговорилъ, «что антрепренеры и режиссеры не знаютъ правилъ Городского театра, такъ какъ сцена и зрительный залъ находятся въ вѣдѣніи коммисіи». На это г. Марджановъ замѣтилъ г. Казаринову, что онъ ни отъ кого замѣчаній вслушивать не желаетъ, а подчиняется въ театрѣ лишь своему антрепренеру г. Багрову. Театральная коммисія не согласилась со взглядами г. Марджанова; инцидентъ пока «улаженъ», но отношенія, какъ говорятъ, обостренныя.

— Г. Максаковымъ на предстоящій сезонъ въ Сибиряковскомъ театрѣ дирижеромъ, кромѣ г. Штейнберга, приглашенъ также г. Эснозито.

— Г. Максаковъ снялъ на постъ для одесской оперной труппы Ростовъ-на-Дону, на Пасху и слѣдующую за ней недѣлю Воронежъ, а на лѣто лѣтній театръ въ Петербургѣ. Со всѣми артистами, съѣзжающимися вскорѣ въ Одессу, заключены контракты на круглый годъ.

— Максаковъ покончилъ съ гастролерами. Колоратурное сопрано Вѣра Люце начнетъ гастролировать вскорѣ по открытіи сезона; смѣнитъ ее Марія Гай, приглашенная на 6 гастролей. Въ январѣ гастролитуетъ Ансельми, а послѣ него

« $2 \times 2 = 5$ » у Корша.

Г. Горинъ-Горайновъ

въ роли Павла Абея.

Лина Кавальери. Г. Ансельми приглашенъ на 6 гастролей, съ платой по 1.000 рублей за спектакль, а Лина приглашена на 4 спектакля съ платой по 1.500 р. Для открытія сезона (15 еент.) состоится спектакль въ память Римскаго-Корсакова. Пойдетъ «Садко». Во 2-мъ спектаклѣ («Аида») дебютируютъ драматическій теноръ г. Зиновьевъ и сопрано г-жа Алешко. Третьимъ для выхода г-жи Шульгиной идетъ «Евгеній Онѣгинъ», 4-мъ «Гугеноты».

Харьковъ. Въ составъ драматической труппы А. Н. Соколовскаго вошли: г-жи Ильнарская, Кварталова, Янушева, Жихарева, Весеньева, Славичъ, Виноградова, Невзорова, Янкевичъ, Воронина, Самборская, Кравченко, Леонидова, Потѣхина, Атлантова, Красова, Шорина, Родзиковская, Малышевская, Люмьеръ, Урбанъ; гг. Мурскій, Бѣлгородскій, Бороздинъ, Соколовскій, Ячменевъ, Орскій, Колобовъ, Кудрявцевъ, Бартенева, Бѣлскій, Тимановъ, Андреевъ, Ивашкинъ, Завьяловъ, Салтыковъ, Скуратовъ, Чигиринскій, Ордынскій, Маликовъ. Суфлеры: гг. Малышевскій и Минаевъ. Режиссеры: гг. Александровъ, Соколовскій. Главный администраторъ Сорочанъ.

Открытие предполагается 16-го сентября «Плодами просвѣщенія» по случаю юбилея Л. Н. Толстого. Въ репертуаръ включены пьесы Островскаго. На этихъ спектакляхъ будутъ читаться рефераты—въ чтеніи примутъ участіе мѣстные литературныя силы, которыя приглашены въ составъ репертуарной комиссіи, организованной дирекціей драмы.

Дальнѣйшій репертуаръ: «Казенная квартира», новая пьеса Рышкова, «Дома жизни» Кнута Гамсуна, «Дуракъ» Фюльда въ переводѣ Э. Бескина, «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, «Сѣверные богатыри» Ибсена, «Вѣчная сказка» Пшебышевскаго, «Завтра» Трахтенберга, « $2 \times 2 = 5$ Вида, переводъ Муншгейна (Lolo и Бескина), «Дѣти Ванюшина» съ новымъ 4 актомъ, «Артистъ» Ведекинда, «Жизнь достанетъ» («Сполохи») Тихонова, «Даите» драма въ 4 д. В. Сарду и Эмиля Моро, «Много шуму изъ ничего» Шекспира, «На перепутьи» Ходотова, «Ихъ четверо» Запольской, «Сумерки любви» Р. Бракко, «Иммортеля» Фалѣва, «Шуты», возобновляется «Король» Юшкевича.

Расцѣнка мѣстъ сдѣлана болѣе доступная для публики и между прочимъ уменьшены цѣны въ партерѣ.

Въ городскомъ театрѣ будутъ устраиваться также и утренніе спектакли по вполне общедоступнымъ цѣнамъ отъ 8 до 90 коп., причѣмъ на эти спектакли будутъ продаваться и отдѣльныя мѣста въ ложахъ.

— Театръ Грикке снятъ на предстоящій сезонъ А. Н. Соколовскимъ. Въ заново отремонтированномъ, залъ будутъ даваться общедоступные драматическіе спектакли по цѣнамъ отъ 8 коп. до 1 р. 30 коп.

Откроется сезонъ въ этомъ театрѣ 30 сентября пьесой Островскаго «Бѣдность не порокъ». Затѣмъ 1-го октября днемъ пойдетъ «Ревизоръ», а вечеромъ «Преступленіе и наказаніе» въ передѣлкѣ Дельера.

Въ репертуаръ этого театра вошли пьесы «Коварство и любовь» Шиллера, «Сильные и слабые» Тимковскаго, «Власть тьмы», «На бойкомъ мѣстѣ» Островскаго, «Гроза», «Княжна Тараканова» Шпажинскаго, «Петръ Великій» Крылова, «Горькая судьбина» Писемскаго и др. пьесы Гоголя, Грибоѣдова, Толстого, Писемскаго. Будутъ поставлены почти всѣ пьесы Островскаго.

Въ театрѣ, кромѣ того, будутъ устраиваться литературныя вечера и спектакли, посвященные русскимъ писателямъ. Первый вечеръ посвящается Тургеневу и Чехову. На немъ бу-

дутъ прочитаны рефераты о писателяхъ и поставлены «Нахлѣбникъ» Тургенева и «Миніатюры» Чехова.

— Оперный театръ коммерческаго клуба снятъ антрепренеромъ Бородаемъ Сезонъ, по всей вѣроятности откроется въ послѣднихъ числахъ сентября. Ни составъ труппы, ни репертуаръ неизвѣстенъ.

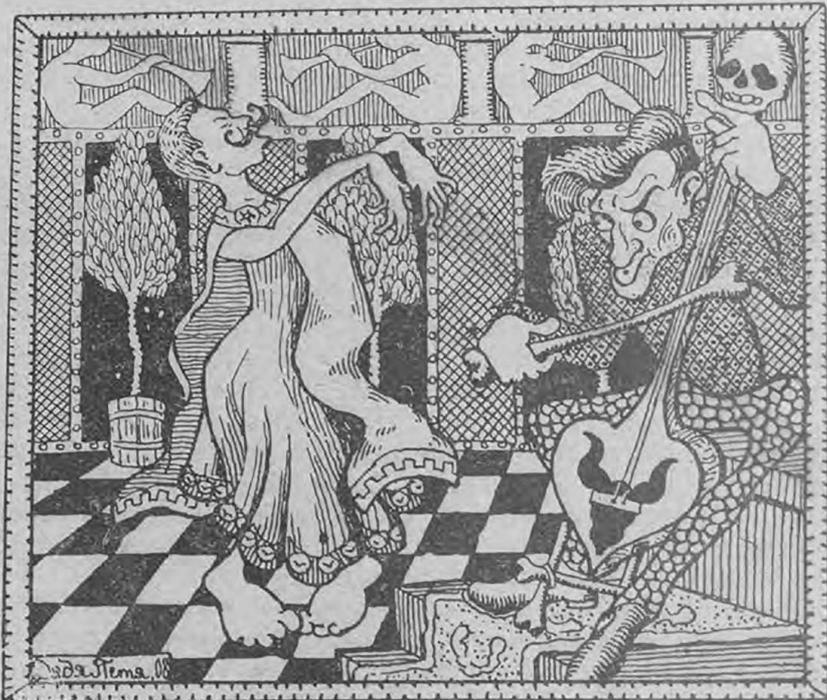
Совѣтъ старшинъ коммерческаго клуба, какъ намъ передаютъ, обратился къ г. Бородаю по этому поводу съ запросомъ, но никакого отвѣта не получилъ.

Въ Харьковѣ г. Бородай пока нѣтъ.

По слухамъ, г. Бородай передалъ дѣло г. Церетелли.

Ялта. 31-го августа заканчиваются въ театрѣ «Казино» спектакли драматической труппы князя Мамлѣва-Погуляева, который уѣзжаетъ на весь зимній сезонъ въ Курскъ.

Съ 1-го сентября въ саду, на открытой сценѣ, будутъ идти въ первомъ отдѣленіи, одноактные фарсы, а во второмъ—двухъактные, въ числѣ номеровъ котораго предполагается борьба.

В. А. Теляковскій пляшетъ подъ музыку Мейерхольда.

Наши корреспонденты.

ОДЕССА. Одесскій сезонъ лѣтнихъ развлеченій близится къ закату.

Доминирующее мѣсто принадлежало, конечно двумъ симфоническимъ концертамъ.

Одинъ въ городскомъ саду подъ управленіемъ г. Прибика—дирижера тонкаго, музыкальнаго и опытнаго.

Были концерты, посвященные памяти Римскаго-Корсакова, Чайковскаго, Грига. Особенный успѣхъ имѣлъ вечеръ Грига, этого сѣвернаго Шопена.

Передъ слушателями на концертной эстрадѣ прошелъ цѣлый рядъ солистовъ: особенно выдѣлились Гилярнвъ (басъ), Залѣскій (баритонъ), Борзаковскій и Бретаницкій (скрипка).

Бенефисъ маэстро Прибика былъ достойной наградой за его труды. Тысячная толпа осаждала въ день бенефиса кассу и бурныя оваціи по адресу бенефицианта были выраженіемъ благодарности за минуты художественнаго наслажденія.

Оркестръ одесскаго собранія подъ управленіемъ св. худ. Фидельмана привлекалъ, хотя менѣе многочисленную, но болѣе элегантную публику Одессы, которой пошлый аккомпаниментъ ножей и вилокъ не мѣшаетъ наслаждаться музыкой.

Постоянные солисты—скрипачъ Кохановскій и молодой, но талантливый виолончелистъ Коханскій пользовались неизмѣнными симпатіями публики.

И здѣсь цѣлый рядъ солистовъ—слишкомъ много цвѣтовъ.

Въ началѣ сезона была попытка артистомъ Мурскимъ культивировать драму въ Грандъ-Отелѣ. Сезонъ начался «Пляской Жизни», которая была лебединой пѣсней этой антрепризы.

Большая удача выпала на долю оперетки подъ добросовѣстнымъ и умѣлымъ режиссерствомъ г. Дмитриева. Оперетка располагала такими силами какъ г-жа Дези-Доржнъ и г. Днѣпровъ.

«Веселая вдова», «Ночь любви», смѣнялись «Вихремъ вальса» и «Горячей кровью»... и т. д.

Нѣсколько гастролей г-жи Кавецкой, этой тонкой, изящной и не старѣющей жрицы оперетки привлекли массу публики.

ВОРОНЕЖЪ. Послѣ спектаклей товарищества малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ Льва Сабинина къ намъ пріѣхала изъ Орла труппа драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ

В. А. Крамоллова, въ составъ которой вошли г-жи: Дальская, Зырквичъ, Лачинова, Кривцова. Кундасова, Ольгина, Свѣтлова, Сербская, Уральская, Шорникова. гг. Ардовъ, Бахметьевъ, Бережной, Гаринъ, Егорьевъ, Кривцовъ, Любимовъ-Ланской, Невѣровъ, Пестипа, Романовъ. Тархановъ, Уральскій.

Съ первыхъ же спектаклей дирекція труппы поняла, что — не уменьшивъ цѣнъ на мѣста къ воронежской публикѣ что называется: «не подѣдеш!» Ужъ таковъ у насъ порядокъ ведется. Лѣтомъ въ театръ идутъ, главнымъ образомъ, представители средняго и низшаго сословія и, понятно, берутъ билеты на мѣста не ближе амфитеатра. Эту отличительную особенность нашихъ лѣтнихъ сезоновъ быстро уловилъ В. А. Крамолловъ, и — въ результатѣ изъ семи недѣльных спектаклей три пошли по цѣнамъ уменьшеннымъ. Въ афишахъ эти спектакли называются, — или «общедоступными» и тогда всѣ мѣста дѣлятся на три категоріи, сообразно которымъ цѣны назначены по 30, 20 и 10 копѣекъ; — или «спектаклями по уменьшеннымъ цѣнамъ» и тогда цѣны на мѣста определяются отъ 12 к. до 1 рубля. Но зато при такой дешевой театрѣ буквально ломится отъ публики; билеты берутся заблаговременно, и Крамолловъ бралъ полные, по уменьшеннымъ цѣнамъ, сборы (250—300 р.). Создается такое положеніе дѣлъ, про которое говорятъ: «жить можно!» Перехожу къ репертуару:

Свои спектакли Крамолловъ открылъ «Измѣной», прошедшей въ общемъ удовлетворительно. Потомъ шли пьесы: «Гроза», «Король» (3 раза); «Безработные» (3 раза), «Измѣна» (во 2-й разъ), «Дочь вѣка»; «Гибель Надежды», «Защитникъ», «Набатъ», «Жизнь падшей» (2 раза), «Казнь», «Безправная», «По гривенничку за рубль», «Власть плоти», «Потонувшій колоколь» (3 раза), «Трильби». «Борцы», «Идеальный жандармъ», «Марія-Стюартъ (2 раза) «Камо грядеши?» (3 раза) «Послѣдняя воля» «Ольгинъ день» (2 раза), «Приключеніе въ участкѣ» «Гонимые (Гимнъ нищеты» (3 раза), « $2 \times 2 = 5$ »; «Старый закалъ», «Анна Каренина (2 раза), „Рабыни веселья“, «Дуракъ», «Крахъ министерства (2 раза), «Уріэль Акоста».

Постановки пьесъ заслуживаютъ если не полного, то относительнаго одобренія, которое мы въ значительной степени относимъ за счетъ молодого режиссера Г. К. Бережного. Изъ состава труппы особенно выдѣлились: г-жи А. А. Лачинова, Свѣтлова, Заревская; гг. Кривцовъ, Любимовъ-Ланскій, Бахметьевъ, Гаринъ. Мужской персоналъ значительно сильнѣе женскаго. Минусъ въ постановкѣ пьесъ въ достаточной мѣрѣ убогія декорации, реквизитъ и бутафорія нашего лѣтняго городского театра. Слѣдствіемъ этого такія обстановочныя пьесы, какъ напр. «Потонувшій колоколь», «Камо грядеши» и др. не произвели должнаго впечатлѣнія.

ИВАНОВО ВОЗНЕСЕНСКЪ. 31 іюля состоялся послѣдній прощальный спектакль труппы драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ гг. Лѣсногорскаго и Самбунова. Въ бенефисъ режиссера г. Самбунова шелъ «Царь Феодоръ Иоанновичъ».

Мужской персоналъ состоялъ изъ гг. Михайловскаго (арт. Народнаго дома въ Песербургѣ) герой лоб., Лавина (артистъ Малаго театра) комикъ, Дмитріева (артистъ театра Корша), Елисѣева и др.

Въ женскомъ персоналѣ г-жи Таманцева (героиня), Суворина (инж. dramat.), Аркадьева (grand. coquette), Лирская ком. старуха и друг.

Труппа маленькая и силъ ея не хватало ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи. Поэтому обраща-

лись къ любителямъ изъ недоучившихся юнцовъ, учениковъ мѣстнаго реального училища

Репертуаръ смѣшанный. Сегодня „Фальшиво-монетчикъ“, завтра «Всѣхъ Скорбящихъ», потомъ «Красотка съ чувлыми глазами», далѣе «Потонувшій колоколь», «Покореніе Сибири или Ермакъ Тимофеевичъ», большая историческая драма, «Татьяна Рѣпина», «Вій».

«Фальшивомонетчикъ» даетъ сборы, «Марія Ивановна» собираетъ въ кассѣ немногимъ болѣе 10 рублей.

Съ перваго августа начались спектакли малороссовъ подъ управленіемъ г. Василенко. Открыли «Наталкой Полтавкой» потомъ шли «Цыганка Аза», Жидивка Выхристка, «Каинъ и Авель».

Объщаютъ оперетку «Гейшу», «Вій».

Публикѣ малороссы повидимому понравились и не смотря на дождь и холодныя ночи пока дѣлаютъ хорошія дѣла.

В. Гуськовъ.

Ш А Р Ж Ъ.

Послѣднія „сабуровскія“ моды.

2 x 2 = 5.

(Постановка режиссера Н. Н. Сихельникова въ театрѣ Ф. А. Корша).

Комедія—сатира въ 4 д. Густава вида, переводъ Л. Мунштейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Декорации три. Павильоны. За неимѣніемъ стильной декорации перваго акта можно обойтись гладкимъ павильономъ. Въ тюрьмѣ придѣлана кровать, входящую въ стѣну—работа не сложная.

Костюмы современные. У дамъ—самыя простыя. Мужскихъ ролей 13, женскихъ 7. При небольшой труппѣ мужскія роли можно свести ролей на 9. Очень хорошая роль для комедійнаго любовника, затѣмъ характерная молодая роль, недурная роль, хотя и не большая для факта въ одномъ актѣ. Выигрышная роль для актера, обладающаго внѣшностью и голосомъ мальчика лѣтъ около 18—19. Остальныя роли небольшія, но всѣ типичныя.

Изъ женскихъ ролей доминирующая — роль кокетшъ. Должна быть крикливо одѣта. Три пожилыхъ (двѣ грандъ-дамы, одна ком. старуха), но всѣ три роли эпизодическія; двѣ роли для молодыхъ актрисъ и одна—для горничной.

Пьеса должна идти въ быстромъ темпѣ, весело. Таннъ всей пьесы держится на любовникѣ.

Сокращеніе словъ:

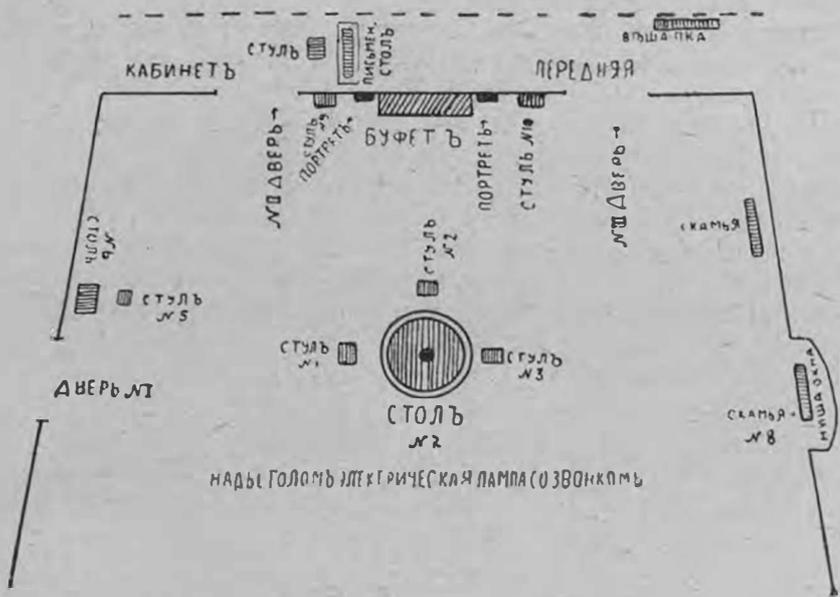
Дѣйствующія лица:

Томасъ Цальвнъ = Ц; его жена = г-жа Ц. Эстеръ = Э. Фридрихъ Цаманъ = Ф. Матвѣй Цаманъ = МЦ. Павелъ Абель = П; Гергардтъ Коники = К. его жена = г-жа К.; Труэльзень, вдова = Вд.; Отелла Лустигъ = О. Гуго Йергенсенъ = Г.; Камергерша = Км.; Адвокатъ = Адв. Тюремный пасторъ = Пс.; Сторожъ = С.; Арестанты = Ар.; Дора = Д.

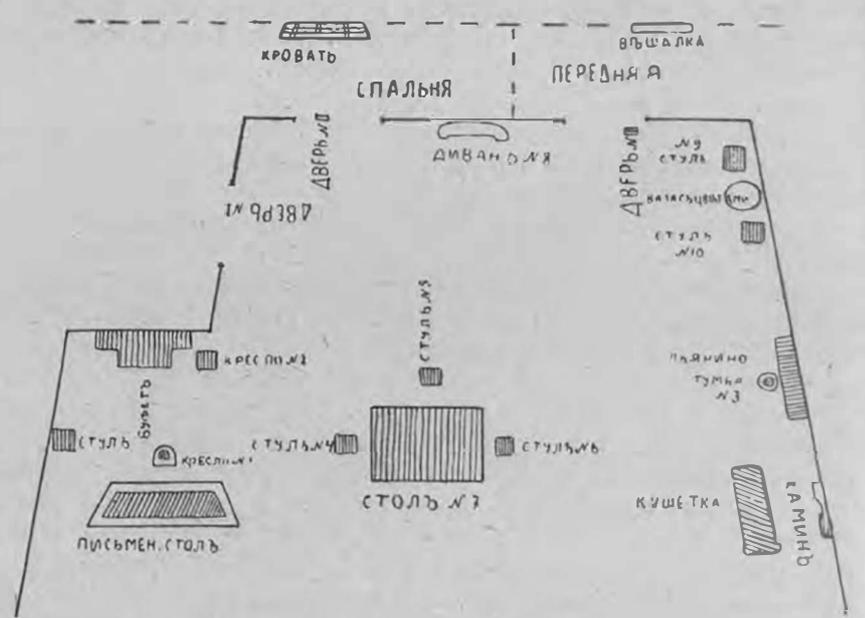
Слова:

Входитъ, вошла = вх.; переходитъ, перешла = прх.; вправо = п.; влево = л.; середина = ср.; садится = сд.; встаетъ = вст.; легъ, легла = лг.; подошлъ, подошла = ид.; подходитъ = пдх.; уходитъ = ух.; идетъ = ид., дѣйствующія лица = д. л.

АКТЪ I-й.

АКТЪ II-й.

Всѣ указанія отъ зрителя.

Э. въ кабинетѣ. Д. (вх.) изъ I къ столу 1. (Ремарка исполняется). Э. со словами «вы еще не нашли серебрян. ложекъ» (сд.) заработу на 5. Д. съ фразой «онъ хранитъ еще съ прошлаго года» (пдх.) къ Э. и съ фразой «не его вѣдь ребенокъ» (отх.) къ 7, накрываетъ на столъ. ушла дверь I. (Ремарка исполняется). П. (вх.) изъ III. Э. съ фразой «благодарю, опять цвѣты» ставитъ цвѣты на столъ 7 въ вазу. П. съ фразой «ты еще горюешь» (ух.) П. Э. съ фразой «не добьешься ни одного серьезнаго слова» (отх.) къ 6. На вопросъ «не видали ли моихъ ключей?» (отх.) къ окну. Выходъ П. (по ремаркѣ) беретъ съ буфета коробку съ ботинками со словами «такъ дешево 18 м.» кладетъ коробку на 3. Э. (сд.) на 4. П. (ух.) по ремаркѣ въ II: (вх.) съ фразой «когда буду ихъ надѣвать» и предлагаетъ руку Э. идти къ столу. Та не беретъ. (Сд.) съ фразой «вчера въ больницѣ отрѣзали ногу» на 3. П. (сд.) на 1. Д. (вх.) изъ I. П. съ фразой «последнее время звали Ганзеномъ» вынимаетъ газеты изъ кармана. Э. при фразѣ П. «простите вы глядящие съ верху» обидчиво (отх.) и (сд.) въ 4. Э. съ фразой «я все больше удивляюсь» (пдх.) къ 7. П. на звонокъ (ид.) къ III. Э. на фразу «выносить мое присутствіе» (отх.) къ окну. (Ремарка исполняется). Послѣ привѣтствія расположеніе дѣйствующихъ лицъ: (П.-1-жа К.-К. за столомъ 7 и Э. у окна). П. съ фразой «не угодно ли позавтракать?» беретъ стулъ 9 ставитъ между 1 и 2. Сѣли. П. на 1, К. на 9, г-жа К. на 2. Э. на 4. (Ремарка исполняется). Э. съ фразой «у меня большая стирка» (ух.) въ I. Д. убираетъ со стола войдя и уйдя въ I. Вся сцена на указанныхъ мѣстахъ. Г-жа К. съ фразой «ты восхитителенъ!» (вст.) съ фразой «въ школѣ мѣсто, которое тебѣ предлагали» обнимаетъ мужа, съ фразой «ты этого не сдѣлаешь» (сд.) на 2. Ф. (вх.) изъ I. Во время представленія онъ кладетъ трость, шляпу на буфетъ. Съ фразой г-жи Ц. «пусть себѣ чешутъ языки». Ф. (сд.) на 3. К. беретъ карманный альбомъ, рисуетъ карикатуру на Ф. Съ фразой г-жи К. «очаровательное имя» П. (ид.) въ II. К. со словами «онъ своего рода уникамъ» (отх.) къ П. (Ремарка исполняется). Э. (вх.) изъ I (ид.) въ III. Ф. ух. въ II. Выходъ стариковъ изъ III. Расположеніе дѣйств. лицъ (К.-1-жа К.-П. Ц. Э. 1-жа Ц.). Со словами «находила ихъ иногда очень остроумными» г-жа Ц. (сд.) въ 4. Съ фразой «какіе онъ пишетъ книги» П. (отх.) въ глубину. Съ фразой «дорогой Павелъ и дорогая Мари» Ц. беретъ стулъ. Э. Расположеніе д. л. (К.—П.—1-жа К.—ближе къ буфету. Ц. у 3. Э. около татера, 1-жа Ц. на 4). К. за спиной П. пишетъ карикатуру на Ц. Супруги Коникъ ушли III. Ц. (прх.) хъ 6 и (сд.) 5 закуривая папирсу. Э. (ух.) въ II. Ц. съ фразой «Павелъ дурно вліяетъ на Фридриха» (вст.). Г-жа Ц. тоже, нервно ходитъ исполняетъ ремарку съ галстуками. (Вх.) Ф. Расположеніе д. л.: (Ц.—Ф. у буфета—1-жа Ц.—Э.). Съ фразой «ты взялъ деньги мой мальчикъ?» г-жа Ц. близко (пдх.) къ Ф. Э., съ фразой «развѣ ты ихъ взялъ?» разсматриваетъ ложки на столѣ. П. (вх.) изъ III. Расположеніе д. л.: (П.—Ф.—П. 1-жа Ц.—Э.). П. (ух.) въ II. Ф. (ух.) въ III. Ц. со словами «Павелъ и къ тебѣ такъ относится дурно?» (пдх.) къ Э. Расположеніе д. л.: (Г-жа Ц.—Ц.—Э.). Э. съ фразой «лучше бы мы не женились» плача (пдх.) къ матери. П. съ фразой «я въ свое время говорилъ объ этомъ» (сд.) на 4. (Вх.) МЦ. изъ III. Расположеніе д. л.: (Г-жа Ц.—Э.—МЦ.—Ц.). (Вх.) П. изъ II. Расположеніе д. л.: (П.—1-жа Ц.—Э.—МЦ.—Ц.). МЦ. съ фразой «дорогой Павелъ, ваши шутки заходятъ слишкомъ далеко» (пдх.) къ П., а Ц. (отх.) къ окну со словами «молчаніе» беретъ стулъ 3. Г-жа Ц. отнимаетъ... Э. съ фразой «уйдемъ къ другой» (пдх.) къ П. Вся сцена въ глубинѣ. П. съ фразой «есть характеръ, какъ у твоего отца» надѣваетъ перчатки. Вся группа двигается къ двери III Г-жа Ц. съ фразой «сумасбродные люди» беретъ подъ руку МЦ. П. съ хохотомъ (сд.) на 10.

Надъ столомъ электрическая люстра со звонкомъ. Въ 4 актѣ около изголовья кушетки столикъ съ виски и сифономъ.

П. лежитъ на кушеткѣ изголовьемъ къ публикѣ. Около (лѣв.) стоитъ Бд. Съ фразой «вѣдь хуже, чѣмъ съ Труэльзаномъ не могло бы быть» Вд. (отх.) къ 7. На звонокъ (ух.) въ III. По возвращенію вся спена шошотомъ. П. со словами «пусть войдетъ» (вст.). Вд. (ух.) III. Расположеніе д. л.: (П.—Плц.). Плц. (ух.) III. П. его провожаетъ. (Вх.) Коникки. Расположеніе д. л.: (Вд.—1-жа К.—К.—П.). Послѣ объятій и ухода Вд. въ I. П. (ид.) съ фразой «холостякъ на третьемъ мѣсяцѣ» къ буфету съ виномъ и стаканами (пдх.) къ 7. съ фразой «да вамъ хорошо». Со словами «prosit» усѣлись. К. на 4. П. на 5 и г-жа К. на 6. К. со словами «вотъ онъ всѣ девять», беретъ картонъ съ дивана 8, куда онъ его броситъ при входѣ. Со словами «я приму ціанистаго кали» кладетъ обратно картонъ и садится на 4. Ф. (вх.) изъ I. Съ фразой «здравствуйте г-жа Коникъ (пдх.) къ ней, съ фразой «тамъ былъ другой прохвостъ» (отх.) вправо. Во время этого діалога К. переноситъ сигары и папирсы съ письменнаго стола на 7. По уходѣ Коникъ Ф. (сд.) на 6. Павелъ стоитъ у 4. Послѣ словъ Ф. «разрѣши еще стаканчикъ вина» П. убираетъ бутылку въ буфетъ. П. съ фразой «одинъ изъ моихъ друзей во время предупредилъ» стоитъ впереди стола 7. со словами «ночь провалялся въ какой-нибудь канавѣ» легъ на кушетку. Расположеніе д. л.: (Ф.—П.). Ф. съ фразой «понемногу приспособляется къ новому правительству» (ух.) въ II. Съ фразой «ахъ, да... я еще долженъ тебѣ скасать» (вх.) съ фразой «когда ты съ ней разстался» (ух.) тотчасъ (вх.) съ чистымъ воротничкомъ... Со словами «это она» (ух.) въ III. П. съ фразой «нѣтъ это уже слишкомъ» (отх.) лѣвѣе. (Вх.) О. Расположеніе д. л.: (П.—Ф.—О.). О. съ восклицаніемъ «уффъ!» (сд.) на конецъ кушетки оставляя мѣсто для П. у изголовья. (Ремарки исполняются). П. садится, а О. ложится къ нему на колѣни, головой къ публикѣ. Ф. (вх.) занимаютъ лѣвую сторону сцены. Со словами «неужели ты дѣйствительно не доволенъ» Ф. (пдх.) къ П. О. съ фразой «помоги мнѣ Фридь» (отх.) къ 9—10. (Вх.) Вд. Расположеніе д. л.: (Вд. Ф. у дивана 8. Около стола 7. П. на кушеткѣ). Съ фразой: «если г. Абель хочеть ужинать» Вд. (пдх.) къ П. Расположеніе д. л.: (О.—Ф. у 8. Вд. опереди 7 П. на кушеткѣ). О. и Ф. (ух.) въ I. Вд. (ух.) въ I. Км. (вх.) въ III. съ фразой «я вамъ помѣшалъ» Км. (сд.) на 5. П. стоитъ около 6. Со словами: Км. «садитесь возлѣ меня» П. (сд.) на 6. Съ фразой «такой ужъ у меня характеръ» П. (вст.). Со словами «брошу монету покрупнѣе» Км. (вст.). (Вх.) О. и Ф. Расположеніе д. л.: (Ф. у двери I. О. посрединѣ за стѣлою. Км. и П. у двери III). Послѣ ухода Км. (ремарки исполняются) усѣлись Ф. на 4, П. на 5, О. на 6. П. беретъ мандолину съ 8. Послѣ танцевъ О. (сад.) на кушетку. Вд. (вх.) изъ I. Адв. оттуда же. Расположеніе д. л.: (Адв. у 4. П. у 5, Ф. рядомъ съ нимъ, О. на кушеткѣ). При уходѣ Адв. О. (вст.) Ф. (прх.) лѣво. Финаль: Ф. на креслѣ 2. О. у рояля, а П. на кушеткѣ.

(III и IV акты въ слѣдующемъ номерѣ).

Записалъ В. М. Яновъ.

Редакторы издатели { Л. Г. Мунштейнъ (Solo).
Э. М. Бескинъ.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье, 31-го августа, представлено будетъ: утромъ по уменьшеннымъ цѣнамъ „Сынъ Мандарина“, оп. въ 1 дѣйств., муз. Ц. Кюи, и „Фея Куколъ“, балетъ въ 1 дѣйств., муз. Байеръ. Вечеромъ „Орлеанская Дѣва“, оп. въ 4-хъ дѣйств. 6-ти карт. Муз. П. И. Чайковскаго. Участв.: г-жи Брунъ, Добровольская; гг. Волгинъ, Пикокъ, Вѣковъ, Павловскій, Донецъ, Трубинъ и др. Капельмейстеръ А. М. Пазовскій.

Въ понедѣльникъ, 1-го сентября, представлено будетъ, во 2-й разъ: „Борисъ Годуновъ“. Участв.: г-жи Норская, Ершова, Каренина, Полозова, Ростовцава; гг. Дамаевъ, Пикокъ, Эрнстъ, Вѣковъ, Сперанскій, Трубинъ, Шувановъ. Капельмейстеръ Э. Куперъ.

Во вторникъ, 2-го сентября, представлено будетъ для перваго выхода М. Д. Турчаниновой, Д. Х. Южина и И. В. Грызуоова „Евгеній Онѣгинъ“, оп. въ 3-хъ дѣйств. 7 карт. Муз. П. И. Чайковскаго. Капельм. Э. Куперъ.

Въ среду, 3-го сентября, для перваго выхода Н. С. Южиной, предст. будетъ: „Юдифе“, оп. въ 5 дѣйств. Муз. Сѣрова. Капельм. А. М. Пазовскій.

Начиная утреннихъ спектаклей въ 12½ час. дня, вечернихъ въ 8 час. вечера.

Билеты продаются въ каскѣ театра съ 10 час. утра до 10 час. вечера.

Дирекція С. И. Зиминъ.

Сенсаціонная новинка Берлинскаго „Kleines Theater“,

„2x2=5“

комедія - сатира въ 4 дѣйствіяхъ Густавъ Вида, переводъ Л. Мунштейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Къ представленію дозволена 23 апрѣля 1908 г., № 4212. Въ этомъ переводѣ пьеса включена въ репертуаръ театра Корша 1908—1909 г.

Цѣна 2 рубля.

Съ требованіями обращаться: Москва, Георгіевскій пер., театральная бібліотека С. О. Разсохина.

„Шуты“

комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Замокиса, въ стихотворномъ переводѣ Lolo (Л. Мунштейна). Репер. театра Корша.

Цѣна 1 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВУ ПРИ КУРСАХЪ ДРАМЫ,

руков. арт. Худож. театра А. И. Адашевымъ (опыт Академіи искусств).

Система 2-хгодичн. курсы энциклопедіи и искусств: исторія внѣшн. культ., исторія искусств: архитектур., живоп., скульпт., музыки и театра, исторія литерат., психологія, эстетика.

Лекціи Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа, А. А. Блока, А. Л. Волынскаго, О. О. Горностаева, Сергѣя Глаголя, С. В. Ноаковскаго, Вл. И. Немировича-Данченко, Н. К. Рериха, Викт. Стражева, Н. Г. Тарасова, С. К. Шамбинаго и др.

Спеціальныя „КУРСЫ ДРАМЫ“ преподаватели артисты моск. Худож. театра.

Контра открыта. * Приемъ на драму 16-го, 23-го и 30-го августа.

Подробныя условія: Москва, Б. Тверская, д. № 18, Езерскаго.

Курсы стенографіи

М. К. ПЕТРОВОЙ.

Быстрое прохожденіе курса. Особенное вниманіе обращено на практическія занятія. Переписка на машинѣ отъ 40 коп. за листъ.

Наретный рядъ, Большой Спасскій пер., д. церкви Спаса, кв. 40.

СОЧИНЕНІЯ

Владимира Метцль.

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО. 2 Polonaise: № 1. B-dur. № 2. D-dur. 4 Klavierstücke: № 1. Nocturne. № 2. Capriccio. № 3. Melodie. № 4. Valse. Lyrische Tonbilder: Тетрадь 1. (№ 1—6). Тетрадь 2. (№ 7—12). ДЛЯ ПѢНІЯ РОМАНСЫ: Op. 7. Die Nachtigall (для тенора). Schliesse nur die Augen beide (для альты). Dämmerstunde (для альты). Lied d. Glücklichen (для тенора). Op. 8. Южная ночь, (слова Щербины) для сопрано. Проходятъ дни весны (слова Мунштейна) (solo) для тенора. Шопотъ, робкое дыханье (слова Фета) (для альты и баритона). Op. 9. Es ist so weh meinen Herz (для тенора и сопрано). Sommerachtsranch (для тенора и сопрано). Am Bach (для альты). In der Morgendämmerung (для альты и баса). Op. 10. Im Kahn (для сопрано и тенора). Jauchze, mein Herz (для сопрано и тенора). ДЛЯ ОРКЕСТРА: „Потонувшій колоколь“, драматическая поэма къ пьесѣ Гергарда Гауптмана. Traumgebilde. Symphonische Fantasie für großes Orchester. Изданіе Schlesingerische Musikalienverlag, Berlin, въ Москвѣ, у Зайвангъ, Симфонія и др.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Пьесы и Роли“.

Театральный вѣстникъ бібліотеки С. О. Разсохина.

Москва.

24 №№ въ годъ. Подробныя схемы 240 драматическихъ произведеній.

Театральный вѣстникъ „Пьесы и Роли“ будетъ содержать въ себѣ болѣе или менѣе подробныя схемы цѣлой серіи пьесъ современнаго репертуара; подлѣ схемой мы разумѣемъ: краткое содержаніе каждой пьесы, характеристику дѣйствующихъ лицъ (роли), а также—сценическую постановку, декорации, костюмы и проч. и проч.

Редакція приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы: 1) популяризировать всякую пьесу, которая будетъ поручена намъ для изданія и распространенія и 2) облегчить выборъ и постановку пьесъ гг. антрепренерамъ, бенефициантамъ и прочимъ лицамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ драматическому искусству, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавитъ гг. сценическихъ дѣятелей отъ лишнихъ и непроизводительныхъ расходовъ по покупкѣ такихъ пьесъ, которыя почему-либо не могутъ быть ими поставлены.

Такова первоначальная программа нашего изданія. Какъ и въ какомъ направленіи мы дополнимъ или измѣнимъ въ недалекомъ будущемъ эту программу—укажутъ потребности времени, нашъ личный опытъ и указанія тѣхъ лицъ, которыя сочувственно отнесутся къ нашему изданію.

Условія подписки для гг. городскихъ и ивгороднихъ подписчиковъ на годъ, съ 1 Октября 1907 г. по 1 Октября 1908 г., съ доставкой и пересылкою ДВА р. Объявленія за 1 разъ, за страницу, послѣ текста 20 р. 1/2 стр. 10 р.; 1/4 стр. 5 р.; 1/8 стр. 3 р.

Полный каталогъ изданій Театральной бібліотеки С. О. Разсохина съ 1 Января 1875 г. по 1 Сентября 1907 г. высылаются бесплатно.